
ПИОНЕР
15

? ВОПРОСИТЕЛЬНЫЙ ЗНАК ?

ВОПРОС

1. Как сделать динамо-машину и из чего? Я сделал модель аэроплана, но она не полетела, где и какую купить книжку по устройству модели?

Л. Стволов. г. Севск, Брянской губ.

ОТВЕТ

1) Центральной Детской Технической станцией Наркомпроса и Издательством ЦК ВЛКСМ «Молодая Гвардия» выпущена серия плакатов «Юный техник-моделист». В серию входят плакаты, об'ясняющие, как построить: летающую модель самолета, коробчатый воздушный змей, шар-монгольфьер, водяную турбину, ветряной двигатель, электро-мотор и электрический звонок. Каждый плакат стоит 35 коп. и его можно выписать из книжных магазинов Изд-ва «Мол. Гвардия»: Москва, Неглинный пр., д. № 8, и Большая Лубянка, д. № 17.

ВОПРОС

2. Имеет ли право вожатый снимать стенгазету, в которой его „протащили“?

Семен Седых, Барнаул.

ОТВЕТ

2) Конечно, нет. Допустим, что заметка неверна. Вожатый может потребовать у редколлегии, чтобы она проверила, верно ли то, что в заметке написано. После проверки заметки, если она оказалась неверной, вожатый может поставить вопрос на совете отряда о вынесении выговора редколлегии и помещении в следующем № стенгазеты сообщения о том, что заметка неверна. Вожатый может также поставить вопрос и о переизбрании редколлегии, но не имеет права сам снимать стенгазету. Очевидно, заметка верна, и вожатый не пожелал добиваться ее проверки. Об этом поступке вожатого редколлегия стенгазеты должна поставить вопрос на совете отряда и бюро комсомольской ячейки.

Вожатый, который говорит: «Яйца курицу не учат», и поэтому вы, пионеры, не можете критиковать мою работу», не понимает, что вожатый должен прислушиваться к тому, что говорят ребята и об'яснить им толком в чем они не правы, а если правы, то исправить свои недостатки.

ЧТО ИНТЕРЕСНОГО В ЭТОМ НОМЕРЕ

Редколлегия: Н. БУЛАТОВ, И. ЖЕЛОБОВСКИЙ, Б. ИВАНТЕР, В. ЛЯДОВА, И. РАЗИН, Н. СЛЕПНЕВ, М. ЭПШТЕЙН

Отв. редактор И. РАЗИН

ГОД ИЗДАНИЯ 5-й

К борьбе за рабочее дело — будь готов.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА
На 12 м. — 3 р. — к.
» 6 » — 1 » 60 »
» 3 » — » 85 »
» 1 » — » 30 »

ПИОНЕР

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ

АДРЕС РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ
Москва, Центр, Нов. площ., 6/8
Издательство «Молодая Гвардия»

ОРГАН
ЦЕНТРАЛЬНОГО БЮРО ДЕТСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ имени В. И. ЛЕНИНА
при ЦК ВЛКСМ, МОСКОВСКОГО БЮРО ЮНЫХ ПИОНЕРОВ при МК ВЛКСМ и НАРКОМПРОСА

№ 15 АВГУСТ 1928 г.

НА ПОКОСЕ

Стих. А. ПРИШЕЛЬЦА
Рис. Б. ПОКРОВСКОГО

I

С утра у речки, на лугу,
Запели, зазвенели косы.
С утра над лугом—звон и гул
И солнца золотая россыпь.

От речки до седых холмов,
Где мирно разбрелося стадо,
Размеренная цепь косцов
Прокладывает ряд за рядом.

Шумит и клонится трава,
Встает высокими валами
И из валов, еще жива,
Глядит поблекшими глазами...

А солнце выше, выше—ввысь,
Такое знойное, большое!
Ой, море шелковой травы,
Завянешь ты под этим зноем!

II

А в этот час невдалеке,
Где неотступно плакал чибис,
Ребят ватага на реке
Ловила удочками рыбу.

Им задан был от косарей
Урок: во что бы то ни стало
Наудить к полдню пескарей
И накормить ухой весь табор.

И вот они у тростника расселись,
У каждого из них в руках—
Конец предлинной хворостины.

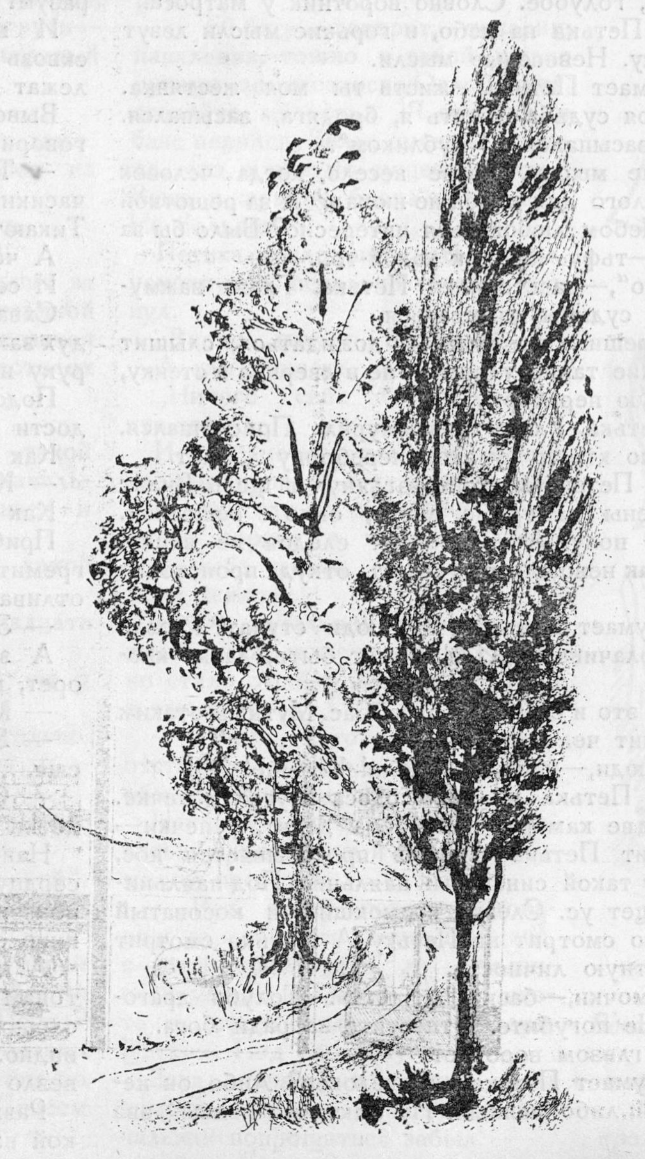
Сидят задумчиво, без слов,
(Лишь изредка обронят слово),
И глаз не сводят с поплавков—
Старательные рыболовы!

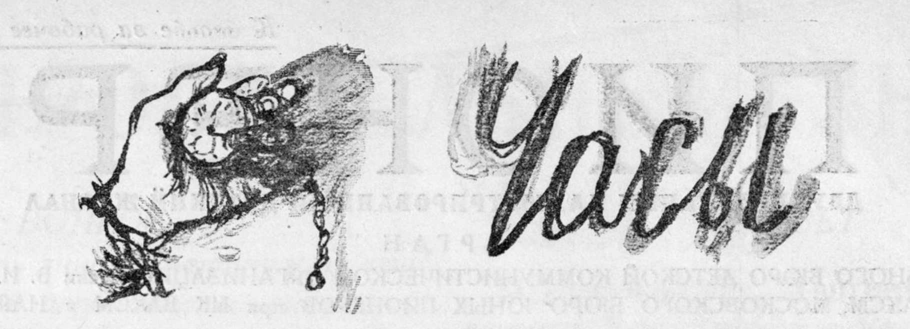
И вдруг в откинутой руке
Удилище взовьется гибко,—
И над водою, на крючке,
Мелькнет серебряная рыбка.

Но рыбка к рыбке—по одной,
А к полдню ловкие ребята
Наудили полным—полно
Ведерко и кувшин пузатый.

Ах, то-то радости у всех,
И столько похвальбы уловом,
Когда собрались у телег
И косари и рыболовы!

На травке развели костер,
Из палок сделали подставу,
Подвесили большой котел,—
И вот—варись, уха, на славу!

Повесть Л. ПАНТЕЛЕЕВА

Рисунки Г. БЕРЕНДГОФА

С Петькой Валетом случай вышел.

Помните Петьку? Такой сухощавый шкет.

Ну так Петька засыпался раз. На базаре. Бублик у бабы тилилиснул. Бублик невзрачный, маленький,— копейки тот бублик не стоил. Обидно.

Однако, схватили Петьку, наковыряли бока и в базарный пикет. До пикета благополучно довели и милицейскому начальнику представили:

— Так, мол, и так. Не желаете ли познакомиться? Малолетний вор.

Ясно,—начальник знакомиться не стал, велел посадить Петьку в камеру. Сунули Петьку в камеру: сиди.

Сидит Петька в камере на грязной замызганной лавке, сидит, не шелохнется и в окно глядит. А на окне решетка, а за решеткой небо. Милое такое небо, ясное, голубое. Словно воротник у матроса.

Смотрит Петька на небо, и горькие мысли лезут ему в башку. Невеселые мысли.

„Ой,—думает Петька,—жисть ты моя жестянка. Злая ты моя судьба. Опять я, бродяга, засыпался. Нехорошо засыпался. С бубликом“.

Невеселые мысли. Разве весело, когда человек с позапрошлого дня хлеба не нюхал? А за решоткой приятно? Небом любоваться интересно? Было бы за дело, а то—тьфу—бублик какой-то...

„Ну, ясно“,—расстроился Петька. Глаза зажмурил, решил судьбы дожидаться.

Только решил он судьбы дожидаться, слышит стук. Громкие такие удары. И не в дверь, а в стенку, в деревянную переборку.

Встал Петька. Глаза разожмурил. Прислушался. Определенно кто-то кулаком переборку ломает.

Подошел Петька к стене, заглянул в щель. Видит Петька стены камерные, лавку, окно с решоткой. Окурки на полу. А человечьих следов не видно. Пусто. Никак невозможно уяснить, откуда происходит стук.

„Что,—думает Петька,—за люди стучат? Гвозди что-ли заколачивают. Или, может быть, давят клопов“...

Подумал это и слышит голос. Бас. Мутным этаким басом кричит человек:

— Эй, люди,—кричит.—Люди! Ко мне! Эй!

Кинулся Петька на зов голоса в угол к печке. Печку на две камеры переборка делит, у печки—щель. Видит Петька—в щель просовывается нос. Громадный такой синеватый паяльник. Под паяльником трепещет ус. Слегка подмокший и косоватый глаз ужасно смотрит на Петьку. А Петька смотрит на неизвестную личность.

— Мам-мочки,—басит личность.—Голуби драгоценные!.. Не погубите. Отпустите за ради бога.

Басит и глазом ворочает.

„Что,—думает Петька,—за человек? Либо он ненормальный, либо пьяный. Ну факт, что пьяный, эва как разит“.

Разит, действительно, здорово. Течет по камере дух,—не поймешь, самогонный ли, водочный ли, но ужас крепкий.

— Мам-мочки,—рычит пьяный.—Мамочки!..

Петька стоит, смотрит, и неохота ему с пьяной личностью в разговоры вступать. Другой раз—непременно бы связался, а тут—скучно. Сказал только:

— Чего орешь?

— Отпусти голубь,—говорит личность.—Отпусти, ненаглядный.

Вдруг как взвизгнет:

— Ваше благородие! Господин товарищ! Отпустите вы мене! Мене детки ждут!

Смешно Петьке.

— Дурак,—говорит,—как я тебя могу отпустить, когда я такой же арестант, как и ты. Где в тебе разум?

И вдруг видит Петька—просовывает пьяный сквозь щель ладонь, а на бородавчатой его ладони лежат часы. Золотые часы. Чистокровные. С цепкой.

Выворачивает пьяный свой косоватый глаз и говорит шепотом.

— Товарищ начальник. Отпустите мене, я вам часики подарю. Глядите, какие славные часики... Тикают.

А часики верно: тик-так, тик-так.

И сердце у Петьки: тик-так, тик-так.

Схватил Петька часы и в угол к окну. От радости дух захватило. Кровь в головешку ударила. А пьяный руку не убирает, ждет...

Подскочил тут к нему Петька и плюнул от радости в бородавчатую его ладошку: на!

Как закричит пьяный:

— Карраул!..

Как затопает, заблажит...

Прибежали на крик милифраны. Дверь отворяют, гремит замок. У Петьки кровь обратно к ногам отливает.

— Эх,—думает,—не удалось.

А за переборкой форменный скандал. Пьяный орет, мильтоны орут.

— Мамочки!—слышит Петька.—Мам-мочки!

— Засохни!—кричат мильтоны.—Засохни, бисов сын.

— Отпустите, мамочки! Отпустите, голуби. Мене детки махонькие ждут...

Наворачивает кто-то молотком по Петькиному сердцу, рвется сердце наружу, вот-вот выскочит, покатится, разлетится,—лови, собирай тогда Петькино сердце.

А пьяный орет, утомляется, о детках своих мильтонам рассказывает, но не слышит Петька в его словах ни слова про часы. Молчит о часах. Забыл, видно. Последнюю, видно, память отшибло. Эх, подвезло Петьке.

Разжал он кулак, поглядел на часики. За решеткой на ясное небо солнце вышло,—засияли часики

и в Петькиной руке. Дыхнул он на них—помутнело золото. Рваным рукавом потер—снова сияют. И Петька сияет.

„Верно, думает, говорят умные люди: нет худа без добра. Ведь этакую штучку заимел. За такую штучку любой маклак полста монет отвалит. Да что полста... Больше“.

Закружилась у Петьки башка, замечтался Петька. „Куплю, думает, я перво на-перво булку. Аграмадную булку. Сала куплю, буду булку салом заедать, а запивать буду какавом. Потом колбасы куплю цельное колечко. Папирос наилучших куплю. Из одежи чего-нибудь... Клеш, френчик, майку полосатую... Чтиблеты... Э, да чего там мечтать... Теперь бы отгавкаться только. А там...“

Действительно, все хорошо, одно только нехорошо—сидит Петька. Сидит Петька в камере, как мышь в банке,—на окне решетка, на дверях замок. Сиди и не рыпайся. И счастье в руках, а не вырвешься. Крепко припаян парнишка.

„Ну, думает, все равно, наплевать. Просижу как-нибудь до вечера... не помру. А вечером—базар отторгует—выпустят.

Вечером-то выпустят,—знает Петька,—не впервой... Было дело. Только до вечера еще ух сколько ждать.

Поглядел он в остальной раз на часики, спрятал их в драный карман. Карман узелком завязал для верности,—сердце успокоил.

А за переборкой окончились крики и стуки, щелкнул замок, и не успел Петька глазом моргнуть—отворяется в его камеру дверь, входит кучерявый мильтон и говорит:

— Выметайся, шпана!..

Ужасно обрадовался Петька. Испугался даже. Вскочил, подтянул парченки и быстро вышел из камеры. Кучерявый за ним.

— Шагай,—говорит,—шпана, до начальника.

— Ладно...

Идет Петька к начальнику. Сидит начальник за зеленым столом, держит бумажку в руках и бумажкой играет. Гимнастерка на нем расстегнута, шея красная и от шеи пар идет. Курит начальник и дым в потолок пускает кольчиками.

— Здорово,—говорит,—малолетний вор.

— Здорово,—отвечает Петька. Смирный такой стоит. Скромный. Улыбается и безвредно на начальника смотрит. А начальник кольчики пускает и в бумажку поглядывает.

— Скажи,—говорит,—гражданин хороший, какой тебе возраст?

— Возраст мне,—отвечает Петька,—одиннадцать годов.

— Ну, а который, скажи пожалуста, раз ты у меня в пикете гостишь? Седьмой, кажись?

— Нет,—отвечает Петька.—Кажись третий только.

— А не врешь?

— Может и вру... Не знаю. Вам видней.

Спорить не хочет Петька. С начальником спорить—гиблое дело. Седьмой так седьмой. Чорт с ним...

„Волынки,—думает,—меньше... Отпустит скорей“.

А начальник бумажку на стол положил, рукой прихлопнул и говорит:

— Резолюция моя,—говорит,—такова: в виду твоей малолетней несознательности, отослать тебя на предмет воспитания в дефективный приют. Понял?

Охнул Петька. Закачался. Обомлел. Оглоушили Петьку начальниковы слова, словно кирпичом по башке стукнули. Не ожидал он таких слов. Совсем не ожидал...

Очухался однако ж, голову поднял и говорит:

— Ладно,—говорит.—Что ж...

— Согласен?—спрашивает начальник. Смеется, будто не понимает, до чего тяжело Петьке и грустно. До чего не смешно. До чего плакать хочется.

Ай, Петя, Петя, не везет тебе, Петя Валет!

А тут еще хуже. Тут совсем уж крышка. Гибнет Петька.

Подзывает начальник кучерявого мильтона и наказывает ему обыскать Петьку с головы до ног.

— Обыщи его, — говорит, — с головы до ног, — нет ли при нем оружия или, в крайнем случае, ценных предметов. Обыщи формально.

Шагает кучерявый на Петьку, у Петьки сердце замирает, ноги у Петьки дрожат, как студень.

„Прощай,—думает Петька,—ценный предмет“.

Но на Петькино счастье кучерявый дурак попался. Брезглив. Посмотрел он на Петьку и говорит:

— Ей богу,—говорит,—товарищ начальник, тошно к такой шпане руками прикасаться. Ослободите, сделайте милость... Я сегодня в бане парился. Белье сменил. Опять же, что в нем по существу есть? Вошь в кармане, блоха на аркане... Не больше.

Петька последние силы собрал, усмехнулся, печально глазом мигнул.

„Верно, дескать. Угадали“.

А сам думает:

„Ничего себе блоха. Блоха, что надо“.

И незаметно пальцем одним карман щупает, а в кармане трепыхается что-то, стучит не шибко, будто сердце в кармане лежит или рыба живая. Часики в кармане лежат.

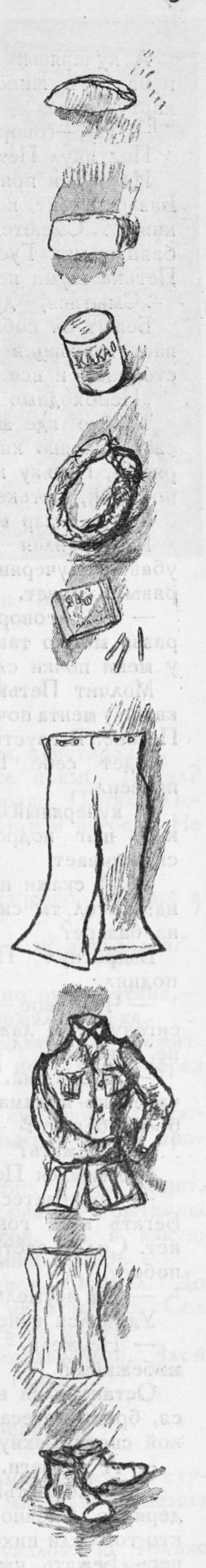
Ну, а начальник мильтона пожалел, или, может быть, ему скучно стало, только махнул он рукой и говорит:

— Ладно, — говорит, — можно отставить. Можно,—говорит,—без обыска обойтись. Не важно...

Написал чего-то в бумажке, печатью пришлепнул и мильтону бумажку протянул.

— Вот тебе,—говорит,—товарищ дорогой, квитанция. Пойдешь с этой квитанцией до Введенской улицы и сдашь оного шкета в дефективный приют Клары Цеткин. Под расписку.

Встал начальник, зевнул и из комнаты вышел. С Петькой начальник попрощаться забыл.

Вот что Петька купит, когда продаст часы

А кучерявый сунул квитанцию в папку, вздохнул и наган к животу привесил. Еще раз вздохнул и картуз надел.

— Ну,—говорит,—шпана несчастная... Пошли.

Подтянул Петька парченки, пошел.

Идут они прямо через базар, через самую давку. Базар шумит, конечно... Люди разные ходят, покрикивают. Смеются люди, ругаются, песни поют. Где-то баян гудит. Гуси какие-то стонут. Шумно! Только Петька шума не слышит. У Петьки план на уме.

„Смытъся,—думает Петька,—необходимо“.

Бежит он собачьей рысью через базар, распихивает торговцев и неторговцев, бегает глазами посто́ронам и все думает, все размышляет.

„Необходимо смыться... формально необходимо“.

Только где ж тут смоешься, когда кучерявый сзади словно хвост прицепился. Не отстает кучерявый, Петьку из вида не выпускает. Не смыться, пожалуй, Петьке.

Вот и базар миновали. Не смылся, нет.

Расстроился Петька, голову повесил, шаг поубавил. Кучерявый Петьку нагнал. Качается кучерявый, стонет.

— Ой,—говорит,—замотал ты меня, шпана. Ну разве можно так бегать? Ну не могу я так бегать, у меня почки слабые.

Молчит Петька, скучает. Очень ему интересно, какие у мента почки. Не до почек Петьке. Взгрустнулось что-то.

Идет себе Петька, голову повесил.

А кучерявый отдышался коекак, шаг подровнял и вдруг спрашивает:

— А скажи по совести, шпана: хотел ты сигануть от меня на базаре?

Вздрогнул Петька, голову поднял.

— Что такое,—спрашивает,—сигануть? Я даже и слов таких не понимаю.

— Брось ты... Оставь... Замечательно понимаешь. Хотел небось убежать?

— Убежать?

Рассмеялся Петька.

— Ошибаетесь,—говорит.— Бегать мне, говорит,—смысла нет. Силом заставите—и то не побегу.

— Да неужели?

Удивился кучерявый:

— Неужели,—говорит,—не побежишь?

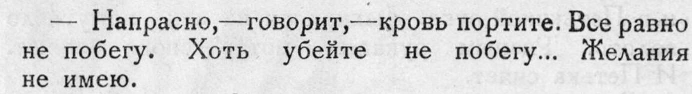
Остановился вдруг, огляделся, бровь почесал и вдруг папкой своей махнул.

— А ну беги...

Дернуло Петьку. Прямо-таки дернуло. Словно коленкой его кто-то сзади пихнул,—задрожал весь. Бежать уж собрался, да поглядел на мильтона—смеется кучерявый.

„Ага,—думает,—на плешь ловишь. Ну нет, брат... Знаем эти фольтики. Не поймаешь“.

Усмехнулся и говорит серьезно:

— Напрасно,—говорит,—кровь портите. Все равно не побегу. Хоть убейте не побегу... Желания не имею.

— Да почему?—спрашивает мильтон.

Смеяться перестал, Петьку разглядывает. А Петька как загорловит во весь голос.

— Да потому,—говорит,—что никакого полного права не имеете бегать меня заставлять. Отвязаться хотите? Нет, не отвяжетесь. Ведите меня куда по закону следовает, а не то я—жаловаться буду.

Сказал и сам испугался.

„Чего, думает, сказал?“

А кучерявый-то сдрейфил, видно. Смутился. Руками замахал.

— Да что ты,—говорит.—Да разве я что... Идем, пошутил я.

— Знаю,—говорит Петька,—какие это шутки... Не очень-то шутки. Бежать подбиваете! Да? Лень человека до приюта проводить? Шутки? Права не имеете шутить...

Разошелся Петька. Кричит, руками размахивает. Люди, которые мимоидущие, удивляются даже. Что за дьявол? Стоит посреди улицы рыжеватый парнишка, орет во всю глотку, ругается, а рядом мильтон топчется, красный весь, глазами хлопает, папка подмышкой дрожит. Умоляет кучерявый не кричать Петьку. Просит спокойно итти.

Идем,—говорит.—Идем, пожалуйста.

Покочевряжился Петька — пошел.

Идет без оглядки, хмурится, губы дует, а самому смешно, сам про себя хохочет.

„Ловко, думает. Ловко я его поднапугал. Ай да мильтон. Ай да кучерявый. Ну и глуп же ты, кучерявый... Прямо дурак“.

А кучерявый, с испуга, должно быть, еле идет. Еле за Петькой поспевает. Молчит однако,—помалкивает. Вздыхает только, да поминутно пот с лица смахивает. А Петька для смеха еще подгоняет его.

Ну что,—говорит,—вы так тихо идете? Гуляете, что ли? Нельзя ли слегка поднажать.

— Не могу,—отвечает мильтон.—Ей богу не могу... Почки не позволяют. У меня почки слабые,—жары боятся. А я, понимаешь, еще в баню сходил. Понимаешь, попарился... Так что прямо умираю, до чего пить охота...

И вдруг увидел кучерявый какую-то чайную. Какой-то там „Милан“. С музыкой. Для легковых извозчиков.

Остановился кучерявый и говорит:

— Ой,—говорит,—зайдем, пожалуйста. Выпьем чего-нибудь.

Нет, говорит Петька.— Не стоит.

Стоит,—говорит мильтон.— Ей богу стоит. Нутро у меня горит,—пить жажду. А тут сельтерской можно выпить или чаю.

... И вдруг просовывает пьяный сквозь щель часы золотые...

Или там квасу. Сделай милость, шпана дорогая,—зайдем.

Задумался Петька, рукой махнул.

—Ладно,—говорит.—Идите. Не долго только.

—А ты?

—А я,—говорит Петька,—не пойду. Я привычки не имею по трактирам шляться... Идите одни.

Смутился кучерявый и говорит. Робко так говорит:

—А ты,—говорит,—не сиганешь?

—Опять?

Рассердился Петька.

—Опять, говорит, подбиваете? Да? Коли так,—волоките меня без разговоров в приют. Поняли? Без никаких чаев.

—Ну-ну,—говорит кучерявый.—Не сердись. Я это—так, на всякий случай. Я знаю, что ты не побежишь. Ты парень с понятием...

—Ладно,—говорит Петька.—Некогда мне с вами рассусоливать.

И что вы думаете,—пошел кучерявый. Оставил Петьку у крыльца, а сам чай пить ушел. В „Милан“.

Поглядел ему Петька вслед, усмехнулся.

„И верно, думает: очень неумный мильтон“.

Усмехнулся Петька и без лишних слов сиганул.

* * *

Завернул Петька за угол и побежал. Побежал, полетел... На крыльях летит, с пропеллером. Только пыль волной, только сердце стучит. И звенит в ушах. А ветром рожу режет. С присвистом.

Бежит, бежит Петька. А навстречу дома, заборы, проулки бегут. Столбы телеграфные бегут. Люди. Козы. Мильтоны.

Бежит Петька—дух захватило.

Долго ли бежал—неизвестно. Куда забежал—не знает. На окраине где-то города встал. У какой-то церкви.

Встал, отдышался, в себя пришел. Огляделся и сам не верит:

—Неужели смылся?

Радостно стало. Весело. Снова бежать захотелось. Прямо от радости бежать захотелось.

—Смылся ведь... Смылся, бродяга!

И вдруг еще веселее стало. О часиках вспомнил.

„Ах,—думает.—Часики мои, часики. Где вы, часики?“

Сунул руку в карман... Мать честная! Нет часов. Туда-сюда—нет часов. Пропали часы.

Что будешь делать?

Сунулся Петька еще раз в карман, глядит—и кармана-то нет. На нитке висел карман, оторвался, наверно, от тяжести. Вокруг посмотрел—пусто. Штанину потряс—и в штанине нет.

Загрустил Петька. Приуныл. К церковной ограде привалился и чуть не заплакал.

—Ах, чорт! Ведь надо ж этак.

Отчаянно не везет Петьке на этом свете.

Но не заплакал Петька. Знает Петька: слезы—дело бабье. Приличному шкету плакать не полагается. Пропали часы—искать надо.

Обратно побежал.

Обратно побежал, да толку мало—дорогу забыл. Где бежал—не знает. Без оглядки бежал, запутался... спросить у кого-нибудь надо...

Стоит у ворот детина. Громадного роста. В солдатских галифэ. Семечки плюет. Петька к нему.

—Дяденька, а дяденька.

—Чего?—говорит детина.

—Не знаете, дяденька, где тут чайная „Милан“?

—Нет, —говорит детина. —Не знаю. Какой „Милан“?

Милиционер еле поспевал за Петькой

—Да такой... С вывеской.

—С вывеской? Ну, тогда знаю.

—Где?

—А тебе зачем?

—Да надо... Скажите, дяденька, христаради...

—Ну ладно. Слушай. Иди все прямо. Понял? потом налево. Понял? Потом направо. Понял? Потом опять прямо. Потом вбок. Потом на-бок. Не доходя упрешься. Понял?

Не понял Петька.

—Как?—спрашивает.—Как? Направо, налево, а потом...

Взглянул Петька на детину и сразу догадался?..

—„Измывается“.

Разозлился Петька. Как даст по руке детине,—у того все семячки к чорту. Побежал Петька.

Бежит и бежит. И сам не знает, куда бежит. По каким-то улицам, по каким-то переулкам. Через мост какой-то. Обратно.

И, вдруг, на какую-то улочку выскочил, какую-то дырку в заборе увидел,—вспомнил: здесь пробегал. Дырку вспомнил.

Идет Петька, под ноги глядит. Часы ищет. Упорно ищет. Во все колеи заглядывает, в рытвины заглядывает, в канавы... Нет часов. Ни в какую нет. Подобрал кто-нибудь Петькины часики.

Закачался Петька, силой изошел. Очумел. До „Милана“ кой-как доплелся, сел на крыльцо. Сел на крыльцо,—голову свесил. Жить не хочет.

Сидит Петька, словно пень неподвижный. Злой сидит. Хмурый, хмурый в землю глядит.

И вдруг—что такое?

Нагнулся Петька, глазам не верит:

—Что такое?

Ведь это же узелок с часиками лежит у ступеньки. Ей богу лежит. Как миленький, лежит узелок.

Задрожал Петька, схватил узелок. И только схватил—выбегает из чайной мильтон. Кучерявый.

—Сидишь?—говорит.

Испугался Петька.

—Сижу,—говорит. И часики прячет. В дырку прячет, в бывший карман...

— Молодец,—говорит кучерявый.—Молодец, что дождался. Ценю. Не ожидал я в тебе такой честности.

Вынул кучерявый какой-то пирожок подгорелый. Подает Петьке.

— На,—говорит,—тебе за такую сознательную честность пончик. Прими пожалуста. Специально для тебя гривенник загубил. От чистого сердца. В награду прими.

Взял Петька пончик, понюхал, проглотил незаметно,—в себя пришел.

— Ладно,—говорит.—Пончик пончиком. А почему вы так долго чаи распивали? Что я вам—казенный?.. Что я нанимался ждать вас? А? Довольно свинство с вашей стороны...

— Ладно,—говорит кучерявый.—Не сердись. Выпил я всего шесть стаканчиков. С'ел булку. А теперь и итти можно. Идем пожалуста, шпана ненаглядная.

Подтянул Петька парченки — пошел. Идут они быстро. Бодро. Особенно кучерявый. Кучерявый, так тот прямо бежит. И на почки свои внимания не обращает. А Петька, украдкой, часы куда-то запихал. В заплатку какую-то что-ли... Грустить перестал. Такой человек Петька, — неунывающий.

— Все равно, — думает. — Наплевать. Здесь не вышло, там выйдет. Из приюта смоюсь.

Вышли они на широкую Введенскую улицу. С крутым под'емом. И кучерявый пальцем показал.

— Видишь, — говорит, — на горе стоит дом? Белый? Под зеленой крышей? Тот дом под зеленой крышей и есть приют Клары Цеткин. Пришли, слава богу...

Действительно, — дом белый, крыша зеленая. Трубы на крыше. Окна там всякие, ставни, — все честь честью. Палисадник даже. В палисаднике тополя пыльные. Двор. Ограда каменная. Калитка.

Кучерявый в калитку постучался. За оградой пес залаял, цепь зазвенела.

Грустно стало Петьке ужасно.

— Приют, — думает. — Ничего себе приют. Тюрьма какая-то: на замочках все, на ключиках. Отсюда и не смоешься пожалуй.

Открылось в калитке окошечко маленькое, — глазок. Рожа какая-то высунулась косоглазая. Не то татарин, не то китаец, — ходя.

— Кто?—спрашивает.—Кто такой стучится?

— Откройте,—говорит кучерявый... Не бойтесь. Ничего особенного. Малолетнего вора веду.

Окошко захлопнулось, вскважине ключ заерзал. Распахнулась калитка. Косоглазый русским оказался...

— З д р а с т и,— говорит. — Милости просим. Заходите.

Вошли. Собака бросилась. Лает язва, рычит.

Цыкнул на нее косоглазый.

— Король! На место.

— Проходите,—говорит,—в контору, к заведующему. По лесенке во второй этаж.

Пошли через двор. Кучерявый важности напустил,—наган поправил, по-военному зашагал: раз-два, левой...

Петька идет, озирается. Двор громадный, щебнем по краям усыпан, сквозь щебень крапива, лопух растет, всякая гадость...

В открытые окна ребята глядят, Петьку разглядывают. Слышит Петька:

— Ребята, фрея ведут...

— Что,—думает Петька,—за фрей еще? Какой я фрей?

По лесенке поднялись в контору... В конторе какой-то чернявенький шкетик сидел на полу и кисточкой рисовал на громадной бумаге звезду...

— Здрасти,—сказал кучерявый.—Не вы ли будете заведующий?

— Нет,—ответил черняненький.—Заведующий—Федор Иваныч. Федор Иваныч рядом... Федор Иваныч, к вам!—кричит черняненький, а сам Петькой любопытствует... Петьку разглядывает с ног до головы и слегка улыбается.

Выходит из соседней комнаты сам Федор Иваныч, заведующий. Человек плешивенький, очкастый и курнопят слегка.

— Так,—говорит.—Здравствуйте. Новенького привели?

— Новенького, —отвечает кучерявый. — Здравствуйте... Примите пожалуста под расписку.

Расписку? Так. Получите. Так. Можете итти. Взял кучерявый расписку.

— Прощайте—говорит.—Прощай, шпана.

Ушел кучерявый. Федор Иваныч за столом уселся, Петьку оглядел.

— Звать тебя Петром?—спрашивает.

— Петром,—отвечает Петька. И фамилию назвал.

— Так, говорит Федор Иваныч и спрашивает:

— Вор?

Покраснел Петька. Сам не знает почему. Чудной какой-то этот Федор Иваныч.

— Вор—отвечает.

— Так,—говорит Федор Иваныч.—Это ничего. Поживешь—человеком будешь... А сейчас тебя в должный вид привести надо. Грязноват ты немножко. Так. Миронов, отведи новичка к Рудольфу Карлычу.

Вскочил черняненький, кисточку бросил, руки вытер.

— Идем,—говорит,—пацан.

Идут они по коридорам. Темновато. Лампочки угольные тлеют. Двери белые по сторонам.

— Это,—говорит черняненький,—классы у нас тут помещаются. Уроки происходят.

— А куда ты меня ведешь?—спрашивает Петька.

— К санитару, Рудольф Карлычу. Мыть он тебя будет.

— Мыть?

— Ну да, в ванне.

Постучался черняненький в какую-то дверь...

— Рудольф Карлыч. Примите новенького.

Вышел толстенный дядя. В белом халате. Краснорожий. Уши громадные, голос жирный... Немец, должно быть... Санитар.

— Нофенький?—спрашивает. Это очень мило—говорит...—Идем в ванную, пока вода горячий.

Потащил Петьку в эту самую ванную. Притащил.

Иди все прямо. Потом вбок. Потом на-бок. Не доходя упрешься. Понял?

— Растефайся,—говорит.

— Что?

— Растефайся. Мыться будешь. С мыло и щетка.

Стал Петька с себя барахло сдирать. Полегоньку сдирает.

— Как бы,—думает,—часики не выскользнули.

А немец, между прочим, говорит:

— Ты это все оставляй. Да. Мы твою кустюм в печка сожгем...

Испугался Петя. За штанишки ухватился. Побледнел.

— Как то-есть,—спрашивает,—Как то-есть в печка?..

— Да ты не бойся. Мы тебе другая кустюм выдадим. Чистый. Чистый брючка, чистый блюзка и даже сапожка дадим.

Что делать Петьке? Сидит он совершенно нагишом, сжимает в руках грязное свое барахло и дрожит. Не от холода, конечно. Тепло в ванной, жарко. От страха дрожит.

— Ну, что,—думает,—мне делать? Погибать?

А погибать Петьке прямо не хочется.

На Петькино счастье, немец вышел куда-то. Не долго думая развязал Петька узелок, отцепил от греха цепочку и сунул часики в рот. С усилием впихнул. Чуть рот не разорвал своими золотыми часиками... Щеки вспухли... Язык куда-то в постороннее место вдавился. Стерпел Петька, зубы сжал... Только сжал—немец приходит. С щипцами. Подцепил щипцами Петькин „кустюм“, уволок куда-то. Вернулся, воды накачал в ванну.

— Лезь,—говорит.

Залез Петька в ванну в теплую воду. Вода помутнела сразу: шутка ли? В бане Петька лет пять не был. В реке, правда, купался. Да разве такое тело купаньем отстираешь.

Очень хорошо Петьке в ванне. Прямо—что надо. Не вылезал бы, кажется, до чего хорошо. Да только, на Петькино несчастье, немец разговорчив попался. Намыливает Петьке голову, а сам говорит... Говорит, говорит, словно речь говорит. Все спрашивает, любопытствует. И как Петьку звать по имя-отчеству, и за что попался, и где родителей потерял и тому подобную чепуху спрашивает. А Петька молчит. У Петьки часы во рту. Петька головой орудует. Качает, кивает, мотает, когда надо. Мычит в крайнем случае.

Обиделся немец, что ли, но замолчал.

Стал немец воду менять. Грязную выпустил. Свежей наливает. Холодной накачал, кипяток пустил. Сел в уголок на стул, газетку взял.

— Ты,—говорит,—сиди, отмачивайся. Когда горячо будет—скажи. Я закрою.

Мотнул Петька головой.

— Ладно—дескать.

А вода течет. Теплее и теплее становится. Прямо шпарит Петьку. Прямо обжигает тело.

А немец газету читает, огромными ушами шевелит.

Вода течет. И вот уже не может больше Петька терпеть... Ерзает, мучается, а сказать не может, крикнуть немцу не может. Не вытерпел Петька, забултыхался, нырнул в горячую воду и выплюнул часы на дно. Вылетел пробкой и как заорет:

— Го-ря-чо!

Вскочил немец, бросил газету на пол, сунул ладонь в ванну и заверещал:

— Ой, глупая мальчишка! С-ума ты сходиль? Лезь вон! Живее!

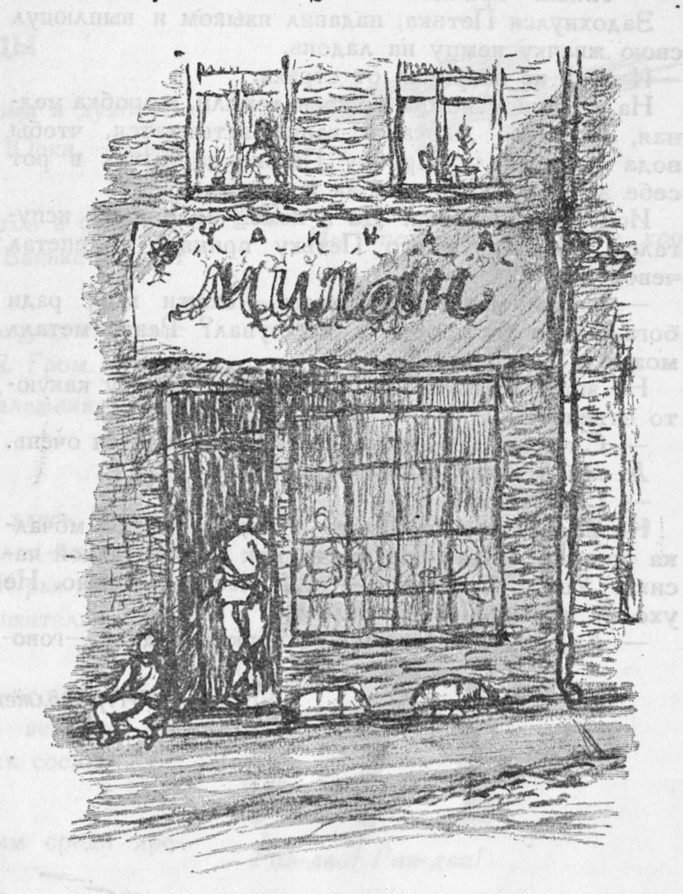
Схватил Петьку за плечи, вытащил вон. Рассердился. Кричит.

— Что ты,—кричит,—молчаль? В такая воде курица можно сварить. Да...

Разбавил немец воду, снова стал Петьку мылом растирать. Спину стал мылить.

А Петька рукой по дну шарит. И все не может часики нашарить. Нащупал наконец пупырышку, окунулся, пихнул скользкий кругляшок в рот. А кругляшок не лезет. Ни в какую. То ли часы распухли, то ли рот у Петьки от стирки сел... Впихнул всетаки. Чуть зубы не выломал, но впихнул.

Сполоснул его немец...

Милиционер оставил Петьку у крыльца, а сам чай пить пошел

— Хватит, — говорит, — посиди, — я твой кустюм принесу.

Ушел немец. Сидит Петька в мыльной воде. И вдруг видит—вода убывать стала. Все меньше и меньше воды.

Пришел немец—сидит Петька в пустой ванне. Удивляется немец.

— Зачем,—спрашивает,—ты воду выливал? Это вредно сидеть без вода голый.

А Петька сам не знает, почему вода вытекла. Он воду не выливал,—не умеет даже, сам удивляется.

— Ладно,—говорит немец,—одевайся скорее, скоро обед будет—опоздаешь.

И подает немец Петьке целую кучу одежи. Белье подает, штаны подает, гимнастерку... полсапожки подает. И все новенькое, все чистенькое.

Стал Петька одеваться. Стал первый раз в жизни кальсоны надевать. А немец смотрит и улыбается. И Петька улыбается.

Вдруг немец улыбаться перестал, подозрительно посмотрел Петюшке в лицо и говорит:

— Что это у тебя,—говорит,—из рота торчит? Что это у тебя там блестит?

Вздрогнул Петька, губы захлопнул.

— Вот,—думает,—дурак, бродяга. Надо было улыбнуться.

Отворачивается, плечами пожимает.

— Пустяки—дескать.

А немец не отстает, за Петькино лицо хватается.

— А ну,—кричит,—А ну, разжимай зубы. Что ты там спрятал? Что у тебя там за жвачка?

Раздвинул Петька челюсти.

— Плюй!—кричит.

Задохнулся Петька, надавил языком и выплюнул свою жвачку немцу на ладонь.

И чуть не закричал от страха.

На ладони у немца не часы лежали, а пробка медная, которой дырка в ванне затыкается, чтобы вода не вытекла. Пробку Петька впопыхах в рот себе запихал, потому вода и вытекла.

Испугался Петька. Да и немец не меньше испугался. За полоумного Петьку принял. Залепетал чевой-то.

— Скажи мне,—спрашивает,—скажи мне, ради бога, зачем ты пробка в рот сувал? Разве металл можно в рот сувать?

Не знает Петька, что и отвечать. Чепуху какую-то отвечает.

— С голоду я,—отвечает,—кушать хочется очень.

А сам в ванну посматривает:

— Где часики?

Не видно чего-то. Пусто в ванне. Только мочалка мокрая лежит. Не иначе, как под мочалкой часики. Ушел бы немец,—тогда достать можно. Не уходит немец, Петьку жалеет:

— Ах, да ох... Матушки-батюшки. Медная,—говорит,—штучка кушать нельзя. Сейчас вот обед будет, там дадут тебе суп, каша и кисель. А медная пробка—невкусный, твердый. Вот, гляди!

Бросил немец пробку в ванну. Звякнул металл. Видит Петька—нагнулся немец за мочалкой. Сейчас мочалку поднимет, а под мочалкой... Ах!

Не долго думая, рухнул Петька на пол и заорал благим матом:

— У-о-о-ой!

Кинулся к нему немец.

— Что с тобой? А? Что с тобой?

А Петька орать не перестает, бьется в ужасном припадке.

— У-о-ой!—орет.

Здорово Петька представился. В точку попал, немца напугал, убежал немец.

Бросился Петька к мочалке. Так и есть, лежат под мочалкой часики.

Схватил Петька часики, воду стер, полюбовался, солнышко на ладошке горит... Сунул в карман, в новый карман, казенный.

Только сунул,—немец вбегает. С пузырьком в руках вбегает.

— Нюхай! кричит,—нюхай скорее нашатырного спирта.

Закачался Петька, понюхал из пузырька, чихнул и в себя пришел. Быстро напялил на себя остальную одежду, волосы пригладил. Каблуками прихлопнул... Жмут слегка новые полсапожки, да ничего—приоделся зато Петька чистым жиганом.

—Эх,—думает,—жалко зеркала нет. Поглядеться-бы, каков я понт...

— Идем обедать,—сказал немец.

(Продолжение следует).

Вот этот дом и есть приют Клары Цеткин...

АНАТОША ОДУВАНЧИКОВ В СТРАНЕ КРАСНОКОЖИХ

Рассказ ГР. ГРАДОВА

Рис. худ. К. КУЗНЕЦОВА

(Окончание)

КАК НАДО ВЫХОДИТЬ СУХИМ ИЗ ВОДЫ

Просыпаюсь от оглушительного удара грома. Тьма и духота.

— Ребята! Вставай!—слышится из мрака голос Юрки, — живо дров.

Где их искать в темноте? Делая несколько шагов в сторону, натыкаясь на сучья, шарю руками... Рядом со мной Васька крушит целые деревья.

Юрка раздувает костер. Вспыхнувшее пламя освещает тяжелые лапы елок, со всех сторон окружающих нас. Молния. Гром.

Мы с Васькой натаскиваем целую гору сухого валежника. Громадный костер разгорается все ярче и ярче.

— Стоп!—командует Юрка,—раздевайся!

То-есть, как раздеваться? Позвольте, где же здесь логика? Гроза надвигается, значит впереди дождь, ветер, холод—зачем же раздеваться? Я пробую протестовать, но видя, что Юрка и Васька с лихорадочной быстротой стаскивают с себя положительно все, слепо следую их примеру.

— Всю одежду сюда,—мой мешок брезентовый—не промокнет. Юрка запихивает рубашки, трусики, фуфайки в свой вещевой мешок, туго его завязывает и вешает на толстый сучек сосны.

— Так! Теперь все в порядке!

Странный порядок: ночью, в грозу, стоять голым среди дремучего леса.

— А ну, тащи еще дров, про запас!

При ярком свете разгоревшегося костра это задача не трудная. Мы натаскиваем кучу хворосту и укладываем его рядом с костром...

Порыв ветра, другой—и сквозь непрерывные раскаты грома слышится шум приближающегося дождя. Тяжело падают первые, крупные капли, и разбившись в густой сосновой хвое, осыпают спину мелкими брызгами. Васька подбрасывает в костер новую охапку хворосту.

— На гимнастику,—становись!

И оба, повернувшись спинами к огню, с совершенно серьезными лицами, становятся в соответствующие позы.

Я гляжу на них в недоумении...

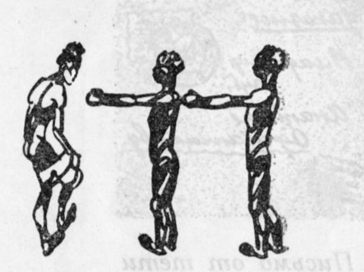
— Вольные движения,—начинай!

— Раз-два! Раз-два!—взмах руками, наклон туловища вперед... Ну, что может быть лучше, ветер рвет, дождик поливает, а они гимнастику делают? Но этот самый дождик ужасно холодный,— надо же как-нибудь согреваться. Я подбегаю к ним и становлюсь в ряд.

— Раз-два! Раз-два! Руки в стороны, руки кверху, руки вниз!.. Ага, как будто теплее стало! А ну-ка еще! Приседание с выбра-

Мы таскаем охапками хворост

Раз-два! Раз-два!

Я гениально переправляюсь через канаву

— *Широко, глубоко, а главное грязно!*

сыванием рук вперед! Раз-два! Раз-два! Ух, то-то жарко... Хоть раздевайся. Раздеваться-то, положим, дальше уж некуда.

— Стой! Спасай костер, ребята!

Наваливаем сверху новых дров. Пламя, шипя, борется с водой побеждает и снова мечется вверх громадными языками.

— Ура! наша взяла! На гимнастику, становись!

— Раз-два! Раз-два!

Гром, молния, дождик, ветер, — все проносится мимо. В предрассветном сумраке, у залитого водой костра три голых мокрых тела, от которых, что называется, пар идет столбом.

— Баста!—в последний раз командует Юрка и снимает с дерева свой брезентовый мешок,—получай, ребята, одежонку!

Трусики, рубашка, фуфайка,—все абсолютно сухо. Ай-да Юрка,—ловко придумано.

— Ну, ребята, спать некогда, да и негде, — кругом вода! До дому верст восемь—не больше. Айда!

ВОЗДУШНЫЙ МОСТ

Канава! самая обыкновенная, узкая канава, которую в сухое время курица вброд перейдет. А сейчас, после ливня, мчится по ней мутный поток, шириной больше сажени. Не перепрыгнешь.

Юрка палкой пробует глубину—,ого, с головкой будет.

Широко, глубоко, а главное, грязно!—определяет Юрка,—надо, ребята, что-нибудь придумать.

Письмо от тети

Но придумать трудно. На той стороне канавы—строевой лес, а на этой молодая вырубка, с одиноко торчащими кое-где голыми и длинными березами. Для моста материала не имеется.

Мы скидываем с плеч мешки и усаживаемся на берегу канавы в довольно мрачном настроении.

— Вот так влипли!—ворчит Юрка.—Эта канава с торфяников идет. Жди теперь, пока вся вода из болота выльется. А в обход на мост, пять верст крюку.

Я смотрю на высокую тонкую березу, уныло наклонившуюся с нашего берега над канавой, и в моей голове возникает гениальная мысль. Я вовсе не желаю делиться с кем бы то ни было честью своего изобретения.

Я встаю, подхожу к березе и молча лезу на нее. Береза постепенно наклоняется под тяжестью моего тела по направлению к противоположному берегу.

— Ура! Молодец Толька!—кричат ребята.

Еще несколько движений вверх по стволу, береза еще чуть-чуть наклоняется, и я легко соскакиваю на землю, а дерево снова выпрямляется, как на пружинах.

Готово,—я на другом берегу.

Через канаву, ко мне летят наши мешки и Юрка и Васька по очереди переправляются через нее по моему способу.

— Ну, Толька, ты больше не тюря!—торжественно об'являет Юрка,—можешь бить меня чем угодно, если я еще когда-нибудь так тебя назову.

Так была снята с меня позорная кличка.

ПРИМЕЧАНИЕ. К сведению читателей, незнакомых с гастрономией, сообщаю, что тюря, как это мне удалось выяснить, представляет из себя кушанье, состоящее из кваса, крошеного хлеба и мелко-нарезанного лука, так что, собственно говоря, ничего особенно позорного в этой кличке для меня не было.

Я раньше. Я теперь

ПИСЬМО ОТ ТЕТИ

— Ничего, будет толк!—сказал дядя Федя, поворачивая меня перед собой во все стороны.—Однако, в каких-таких боях ты участвовал? Раз, два, три, четыре, пять, шесть,—начал он было считать царапины на моем теле, но на десятой сбился со счету.

— Это, дядя Федя, от ястреба, а вот эта—от барсуков... А вот эта...

— Ну, ну,—ладно! На-ка вот—письмо тебе от тети —и он, вынув из кармана замусоленный конверт, протянул мне его,—это чтение будет тебе сейчас особенно полезно.

Милая тетя! Я не могу удержаться от искушения привести здесь полностью твое замечательное письмо.

Лошади брыкаются

Дорогой Анатошенька!

Не могу тебе рассказать, до чего я по тебе соскучилась. Как ты там поживаешь и главное как твое здоровье? Береги себя, мой ангел, помни, чта ты единственное мое утешение, на старости лет. Здоровье у тебя хрупкое,—долго ли до греха? В сырую погоду из дома не выходи и, боже тебя сохрани,—ножки промочить. Ты, по молодости своей, может быть, и не предполагаешь какие это может иметь ужасные последствия. Не говоря уже о гриппе, инфлюэнце, бронхите и воспалении в легких, ты рискуешь подхватить ревматизм, который будет тебя мучить до конца твоих дней. Пожалуйста, ни на одну минуту не забывай об этом. Плотно-ли запирается в твоей комнате форточка? Избегай сквозняков. В холодную погоду надевай галоши и обязательно носи фуфайку. Между прочим, я забыла тебя предупредить, чтобы ты осторожнее обращался с различными домашними животными; помни, что лошади брыкаются, а коровы бодаются. А у наших знакомых Будиговых был индейский петух, который очень больно клевался. Ты опасайся, а то клюнет тебя по темечку,—много ли тебе надо?

Просили тебя поцеловать тетя Марья Андреевна, тетя Анфиса Семеновна... (следует перечисление имен 12-ти старушек).

Крепко тебя целую
твоя тетя Саня.

P. S. Не забывай про теплый набрюшник, который я тебе связала перед твоим от'ездом.

Она бы ничего не сказала. Она бы просто скоропостижно скончалась

— Как ты думаешь,—спросил меня дядя Федя, когда я кончил читать письмо. —Что сказала бы тетя Соня, если бы увидела тебя вот таким,—и он широким жестом обвел все мое полуголое, обгоревшее на солнце, исцарапанное тело.

Я подумал с минуту.

— Мне кажется, дядя Федя, она бы ничего не сказала.

— Ты в этом уверен?

— Безусловно. Она бы просто скоропостижно умерла от разрыва сердца.

Конец

БУМЕРАНГ

№ 9

АВГУСТ — СТЕННАЯ ГАЗЕТА ЧИТАТЕЛЕЙ „ПИОНЕРА“ — 1928 г.

ТЕЛЕГРАММЫ

ВОЖАТЫЙ 3-го звена Росицкого отряда купил пачку папирос, пригласил неорганизованного, оба закурили и пошли в лес гулять. Так вожатый втягивает неорганизованных ребят в ряды пионеров папиросами. Хорошо ли это? Ждем ответа.

Пионеры Росицкого отряда.

ДЕТКОР ПИРОГОВ Е.—пионер отряда при Гос. инструментальном заводе № 2 в г. Коврове, Владимирск. губ., сообщает, что при комсомольской ячейке завода организован ПИОНЕРСКИЙ КАБИНЕТ. В пионер-кабинете каждый пионер и вожатый сможет получить материалы, литературу и советы по пионер-движению, работе юных натуралистов и технических кружков.

ДЕТКОР ПОНЮШЕВИЧ МИХАИЛ сообщает, что на ст. Верхнетокмак телеграфист тов. Батаренко организовал из пионеров и школьников ТЕЛЕГРАФНЫЙ КРУЖОК. Все ребята выучили азбуку Морзе, пишут и читают по ленте телеграммы.

Для кого издается журнал „Пионер“

Я хочу поговорить с ребятами об одном вопросе, который меня очень волнует. Я старый читатель журнала „Пионер“. Мне он очень нравится, но мне кажется, что его мало читают ребята. Читают пионеры, а неорганизованные школьники, те не читают. А ведь журнал „Пионер“ делается, по-моему, для всех и не пионеров. Школьники часто говорят: „Не буду я „Пионер“ читать —он только для пионеров“. Я знаю что это неправда, но мне все таки кажется, что хорошо было бы, чтобы журнал стал не только пионерским, а всех ребят.

Может быть, для этого надо изменить название вместо „Пионер“—„Школьник“ или „Школьник и Пионер“,

Потом, по-моему, в „Пионере“ надо давать больше материала для школы. Для отряда много дает „Пионерская Правда“, а для школы никто не дает.

Если „Пионер“ будет журналом и для школьников, все ребята будут его читать. И не будет ни одной школы без журнала „Пионер“.

Как вы думаете ребята? Напишите в Бумеранг; мне кажется, что редакции нужно обсудить этот вопрос.

Деткор Боря Громов. Москва.

ТЯНЕМ, ПОТЯНЕМ—ВЫТЯНУТЬ НЕ МОЖЕМ

Рис. А. ЛАПТЕВА.

10 июня в Одессе происходила конференция читателей журнала «Пионер».

Одесские ребята собирались заполнить целый номер Бумеранга материалами конференции... Впрочем, они и сейчас собираются.

Сколько времени Одесские ребята прособираются еще—неизвестно, а только «Бумеранг» безнадежно завяз в Одессе, и редакция никак не может его вытащить. Ау, ребята! помогите!!!

Собирайте лекарственные травы!

Не жалеет огненное солнышко тепла, так и жжет голые спины ребятам. Но ребята в увлечении работой не обращают внимания на обжигающее их спины солнце. Ребята заняты сбором душистых цветов с развесистых лип.

Вот корзины наполнены цветами. Пора домой! Бегут наперегонки, а у самих одно на уме: наберем липового цвета 6—7 кило, продадим в аптеку, купим материи на красные галстуки.

Ребята! Собирайте лекарственные травы и цветы: ромашку, липовый цвет, шалфей, полынь и др. и сдавайте их в аптеку или в кооперацию, вам за них заплатят. Сбором лекарственных трав и цветов вы принесете пользу и государству и своему отряду.

Деткор Н. СКВОРЦОВ.

(Село Спасо-Александровка, Саратовской губ.)

МЫ ПРОТИВ АНТИСЕМИТОВ

Недавно у нас в Артемовске хулиганы антисемиты ворвались в одну еврейскую квартиру и с криком „Бей жидов, спасай Россию!“ начали избивать всех, не щадя ни женщин, ни детей. На крики избиваемых к квартире стали сбегаться отдельные граждане, но побоялись вступиться, так как хулиганы пригрозили им расправой.

Бывший здесь пионер Б. бросился сейчас же бежать в милицию, но по дороге ему сказали, что неподалеку живет рабочий, у которого есть оружие. Пионер побежал к этому рабочему, привел его, и рабочий разогнал хулиганов. Через некоторое время хулиганы были пойманы и привлечены к ответственности. При допросе пионера, как свидетеля, в милиции хулиганы пытались ему грозить, но он смело давал свои показания против хулиганов, так как он знал, что борьба с хулиганством и антисемитизмом—задача не только милиции, но всех граждан, в том числе и пионеров. Скоро будет суд. На нем пионер Б. выступит свидетелем.

Ученик I школы им. Тимирязева

СОКОЛОВ.

НАША ПОМОЩЬ

Вечером 15-го июля мы узнали, что завтра утром идем работать на поле больного крестьянина. Ребята очень обрадовались, что смогут помочь больному крестьянину. Утром встали в 6 часов и двинулись в путь. Быстро пришли и, немного отдохнув, принялись за работу по уборке хлеба. К 1 ч. дня сделали 70 снопов и двинулись обратно.

НИКИШИН

(5 отр. Гор. района Баку)

МОИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Я считаю журнал „Пионер“ интересным-веселым, научным. Но не только я, наверное, и другие читатели „Пионера“ хотели бы, чтобы в „Пионере“ были отделы: рукоделия, викторина, отдел „Юного электрика“ и отдел описаний различных моделей. А то все журналы, как „Пионер“, „Знание-Сила“ и др. никто не может выписывать сразу, так как это слишком дорого. Лучше доплатить на подписку одного журнала с тем, чтобы в нем были все эти отделы. Пусть „Пионер“ будет толстый, большой и в красках. Я вношу свои предложения и прошу всех ребят, читающих „Пионер“, высказаться по поводу моих предложений.

ДЕТКОР М. ПАЗЕЛЬСКИЙ

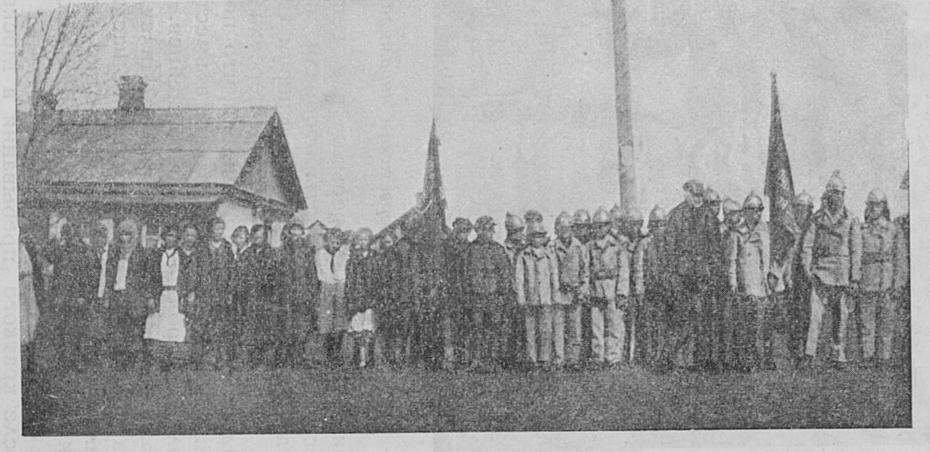
ПИОНЕРСКАЯ ПОЖАРНАЯ ДРУЖИНА

Пионер-отряд Угольнинского трудового детского интерната, им. тов. Луначарского организовал „Ученическую добровольную пожарную дружину“. Дружина участвовала в гашении двух пожаров: гасила сено, загоревшееся у жилого дома во время сильного ветра, и загоревшуюся водоразборную будку.

Дружинники пионеры несут дежурства в рабочем клубе во время спектаклей. Все дружинники-пионеры очень заинтересованы своей работой и с большой добросовестностью относятся к своим обязанностям. После участия в гашении двух пожаров, по примеру пионер-отряда, образовалась 2-я добровольческая дружина уже из жел.-дор. молодежи.

Н. Ш

Станция Угольная, Уссурийской жел. д. (30 вер. от г. Владивостока)

Пионерская пожарная дружина на сборе.

ВРЕДИТЕЛИ

Рассказ деткора Н. ХРАМОВА.

I

Сережка—первый коновод на деревне. Из школы его выгнали, он не учится, а сады и огороды опустошает.

Все большие и малые волком воют от его проказ: самто он в большинстве случаев не лазает, а больше на страже стоит. У него шайка ловко работает: Мишка-пескарь, Ванька-чукча, Петька-остяк и Колька-муха.

Когда они захотят сделать набег на какой-нибудь огород, Сережка отправляется к дому хозяина, выбирает место и делает засадку, откуда видит весь двор. Через несколько времени Сережка оглядывается по сторонам и, если никого нет, начинает кувыркаться, как-будто ничего не подозревая, а сам следит. Заметит, что никого нет на улице, коротко свистнет, и вся шайка выскакивает из картофельной тени, саранчей налетает на огород и начинают безобразничать. Топчут ногами, рвут руками, ломают, кидают, кладут за пазухи: не столько порвут, а сколько нагадят.

В случае, если кто-нибудь показывается из хозяев, Сережка берет четыре пальца в рот и так свистнет, что грачи с берез поднимутся на воздух. А ребята расползаются по картофельной тине и ползут, как тараканы, к назначенному месту.

Через несколько времени Сережка бежит туда, где остановилась его шайка, и говорит:

— Ну, шпана, собрались, никого не захватили?—и начинается дележ добычи.

II

Однажды шайка была около реки. Ребята о чем-то долго говорили, потом встали и пошли на добычу; хотели было они сделать набег на тот огород, где были в прошлую неделю, но Сережка их перебил:

— Нет, давайте лучше пойдем к Пичушину. Там нам лучше удастся.

И смело вся шайка отправилась за Сережкой. Подходя к саду, ребята залегли в густую траву, а Сережка пошел обходить сад. Обойдя его кругом, он рассказал, что все хозяева роют картошку и собаки с ними.

— Ну, ребята, ступайте, а я буду стеречь,—сказал он.

Но шайка не согласилась. Первый взбунтовался Петька-остяк:

— Поймают нас, пойдем и ты.

Сережке не хотелось, но как ни бился он, а итти пришлось.

— Ну, пойдем! — сердито сказал он, — трусы!..

И поползли в сад. Только что взобрались на яблони, как появился в саду хозяин, Данила Петрович, с собаками.

Испуганные ребята начали скакать с яблонь куда ни попало. Ванька-чукча и Колька-муха повисли на суку и тихо скулили.

А Сережка попал в лапы к хозяину, от которого получил такую порку, о которой долго не мог забыть.

СКАНДИНАВСКИЕ ГОСТИ

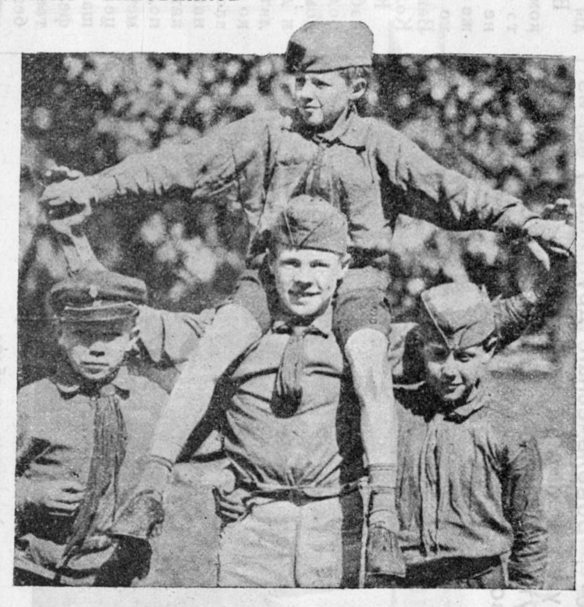
Все делегаты на одном снимке. Сначала стоят девчата: Ваппу Гурмевара (Швеция). Карен Нильсен (Норвегия) и Лиза Звиген (Дания). Затем идут ребята: Бойрге Петерсен (Дания), Сигурд Сундберг (Швеция), Вильгельм Вик (Норвегия), Алф Андерсен (Норвегия), Нильс Фром (Швеция). А сзади стоят вожатые: Рогнильд Андерсен (Дания), Ингрид Юхансон (Швеция), Снуре Угрольт (Норвегия) и Ион Уольсон (Швеция)

5 июля в Москву приехала делегация пионеров Скандинавских стран: Норвегии, Швеции, Дании.

Хотели делегаты приехать пароходом в Ленинград—не удалось. Пришли в Германии на пристань, а им говорят:

— Билетов нет. Все проданы на месяц вперед. Пришлось ехать через Польшу.

На последней станции перед СССР в вагон вошло несколько чиновников.

Шведско-норвежская пирамида

Они тщательно перерыли все вещи делегатов и несмотря на протесты отобрали знамя, которое делегаты везли в подарок пионерам СССР.

„В 9 часов вечера 4 июля переехали границу и со вздохом облегчения увидели, что польские полицейские оставили наш вагон, а вместо них вошло несколько стройных красноармейцев. Наконец-то мы освободились от наемников Пилсудского.

Красноармейцы приветствовали нас так, как если бы были знакомы с нами несколько лет“.

Так описывает приезд в СССР в своем дневнике одна из делегаток.

После краткого пребывания в Москве, делегации раз'ехались по СССР.

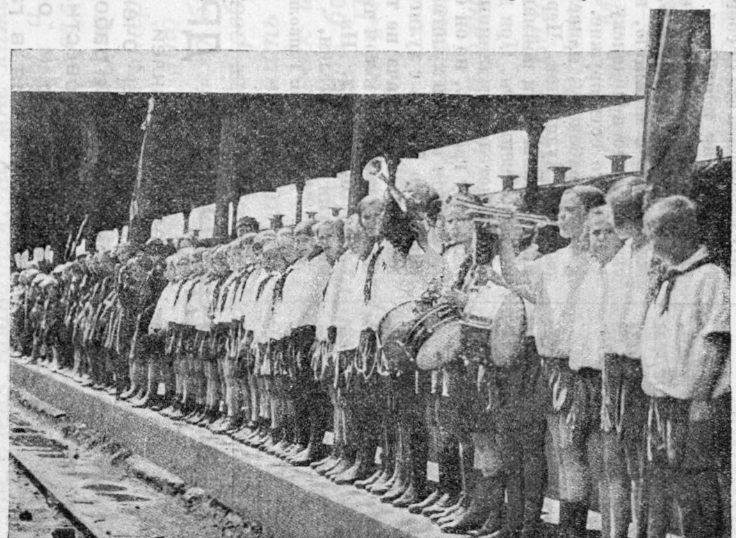
Норвежцы поехали в Ленинград. Там они были в детском театре, в музеях, были в лагерях.

Датчане прожили неделю в Москве, а потом поехали в Рязань. Рязанские пионеры украсили вокзал лозунгами; для встречи пришли не только ребята, но и много взрослых. Один из рязанских пионеров приветствовал делегатов на немецком языке.

Шведы приехали в Вологду. Там их встретили 2.000 пионеров и октябрят. Они выступали по радио, а один из делегатов сыграл на гармонии.

После Вологды шведы посетили Архангельск и Вятку. Сейчас они поехали в Новосибирск. Делегаты пишут домой, что по дороге на каждой станции их встречали пионеры. Подарили им массу подарков (галстуки, знамена, 60 букетов, и т. п.)

В начале августа все делегации встречаются в Артекском лагере и оттуда, набравшись сил и здоровья, поедут работать к себе на родину.

Почетный караул на московском вокзале встречает скандинавских гостей

Они многому научатся у пионеров СССР. В своем обращении к архангельским ребятам, шведы написали:

„Мы расскажем нашим товарищам о постановке работы в ваших пионерских отрядах с тем, чтобы построить наши отряды по этому образцу“.

ЧТО ЗА ЧУДЕСА?

(СОВСЕМ ОСОБЕННАЯ СТРАНИЦА)

Деткорка, которая просила никому не говорить своего имени

Был у редакции фотограф. Никогда за ним никаких странных поступков нс замечалось. Он аккуратно выполнял задания редакции.

Приходит он однажды в редакцию и говорит:

— Еду в Крым. Что для вас снять?

Ну, надавали ему кучу поручений. Целый день машинистка их перепечатывала.

Прошла неделя — от фотографа ни слуху, ни духу. Другая — молчит. На четвертый неделе — редакция посылает запросы:

1) На сейсмическую станцию в Ленинград — не было ли нового землетрясения в Крыму?

2) В крымский угрозыск — как дела с разбойниками. Не похитили ли они кого в последнее время?

3) в РОТ (Российское общество туристов) — не ссыпался ли кто с Ай-Петри?

4) В ОСНАВ (О-во спасания на водах) — не найден ли труп человека с фото-аппаратом?

Заодно уж направили телеграмму и на „Красин":

„Пропал фотограф в Черном море точка срочно спасайте точка редакция".

И вдруг редакцией получается громадный пакет с четырьмя, красного сургуча, печатями.

Осторожно вскрываем его, в нем — другой. Вскрываем 12 пакетов и в тринадцатом обнаружили четыре странных снимка.

Первый из них изображал одну из деткорок „Пионера". Было у нее круглое, как яблоко, лицо, а тут вдруг лицо у нее в роде бурака.

При втором снимке была записочка: *„Страшно торопился. Вместо того, чтобы снять весь лагерь за чисткой зубов, снял одного с коллективной щеткой. Жалко, что она в рот не лезет. Предлагал ему разрезать рот, а потом зашить белыми нитками. Чудак — отказался".*

А на третьем снимке было уже совсем что-то несообразное. Да посмотрите сами на него. Еле-еле редакция догадалась в чем дело. У фотографа на снимке не помещался марширующий отряд. Так он взял да заснял длинного вожатого и самого последнего пионера, который еле-еле со слезами на глазах поспевал за вожатым.

А в четвертом снимке фотограф соединил два снимка вместе. Ему было заказано: снять снизу четверку коней на крыше Большого театра в Москве и дружных ребят. Он взял и заснял четверку дружных ребят.

Помещая эти странные снимки, редакция предлагает всем ребятам прислать объяснения — как они сняты.

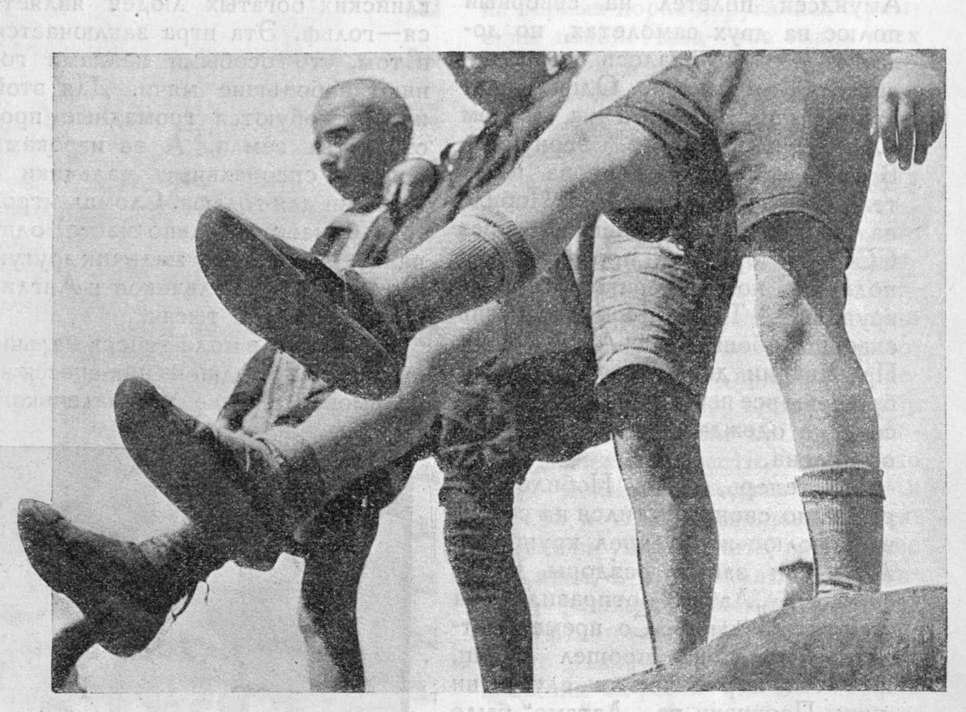
Все ребята - фотографы, присылайте в „Пионер" такие снимки. Мы для них заведем специальный отдел „Изобретательный фотограф".

Наш отряд чистит зубы

В назидание всем вожатым

Очень дружная четверка

ОКОШКО ВО ВСЕ СТРАНЫ

1 РОАЛЬД АМУНДСЕН

Норвежец Роальд Амундсен— один из самых отважных и бесстрашных полярных путешественников XX века. Еще в 1911 г. он отправился на южный полюс и достиг его на месяц раньше ан-

Роальд Амундсен.

глийской экспедиции Скотта, погибшей на обратном пути. В 1925 г. Амундсен полетел на северный полюс на двух самолетах, но долететь ему не удалось из-за недостатка горючего. Один аэроплан вмерз в лед, а на другом Амундсену удалось вернуться. В 1926 г. Амундсен снова полетел на северный полюс с Нобиле на дирижабле „Норвегия" через СССР. „Норвегия" пролетела над полюсом, но в Америке потерпела крушение. Тогда Нобиле очень скверно обошелся с Амундсеном. При аварии дирижабля были выброшены все вещи и одежда Амундсена, а одежда итальянцев была оставлена.

Но теперь, когда Нобиле безрассудно снова пустился на северный полюс и потерпел крушение, Амундсен забыл раздоры и на самолете „Латам" отправился на поиски „Италии". Со времени отлета Амундсена прошел месяц, и с тех пор о нем ни слуху, ни духу. Провизии на „Латаме" было всего на 10 дней. Предполагают, что Амундсен погиб.

А Нобиле, ради которого полешведским самолетом вместе со своей собачкой и теперь получает большие деньги за статьи о гибели „Италии" и страданиях своих спутников. Теперь выяснилось, как Нобиле готовился к полету. Полет „Италии" был устроен не с научными целями, а чтобы прославить фашистскую Италию. Нобиле захватил с собой громадный крест, чтобы сбросить его на северном полюсе. Но вместо этого креста, он усеял ледяные поля крестами над могилами многих своих спутников.

С поведением Нобиле даже иностранные газеты сравнивают поведение советского летчика Чухновского, который 12 июля, вылетев с ледокола „Красин", обнаружил группу Вильери, в которой был Нобиле. Чухновский потерпел аварию и сел на лед. По радио он сообщил местонахождение пострадавших и просил спасти сначала их. На другой день „Красин" спас их.

2 НЕГРИТЯТА ДЛЯ ГОЛЬФА

Одной из любимейших игр английских богатых людей является—гольф. Эта игра заключается в том, что особыми палками гоняют небольшие мячи. Для этой игры требуются громадные пространства земли. А за игроками бегают специальные мальчики с палками для гольфа. Сломал игрок (что бывает довольно часто) одну палку—сейчас ему мальчик другую подает. Таких мальчиков в Англии есть несколько тысяч.

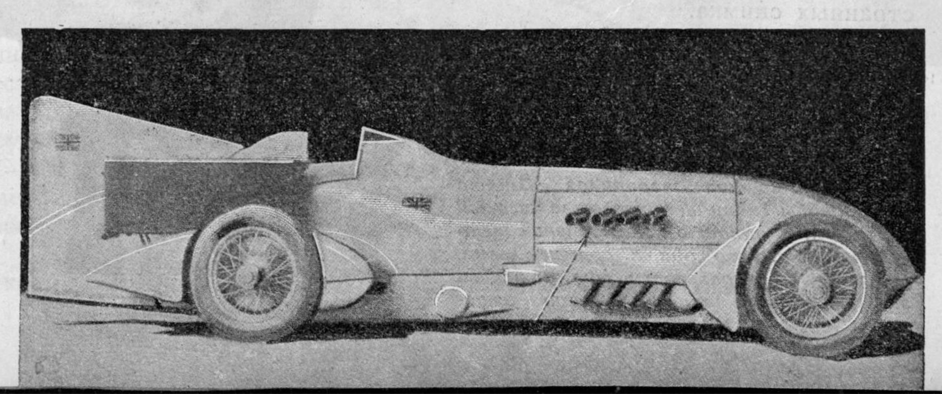
Особенно в моде теперь мальчики-негры. Вот один из них спасся на пальмовое дерево от маленького крокодила, которому не понравился гольф. Но как попал крокодил в Англию, мы не знаем.

Гольф-мальчик на дереве

3 340 КИЛОМЕТРОВ В ЧАС

В августе этого года во Флориде (Сев. Америка) произойдут мировые автомобильные гонки, на которых предположено поставить небывалый рекорд скорости, больше 300 километров в час. Предполагают, что победит на состязаниях майор Кембаль, который имеет совсем особенный по своей форме автомобиль. Его кузов устроен таким образом, чтобы при быстрой езде разрезаемый им воздух оказывал бы как можно меньше сопротивления движению.

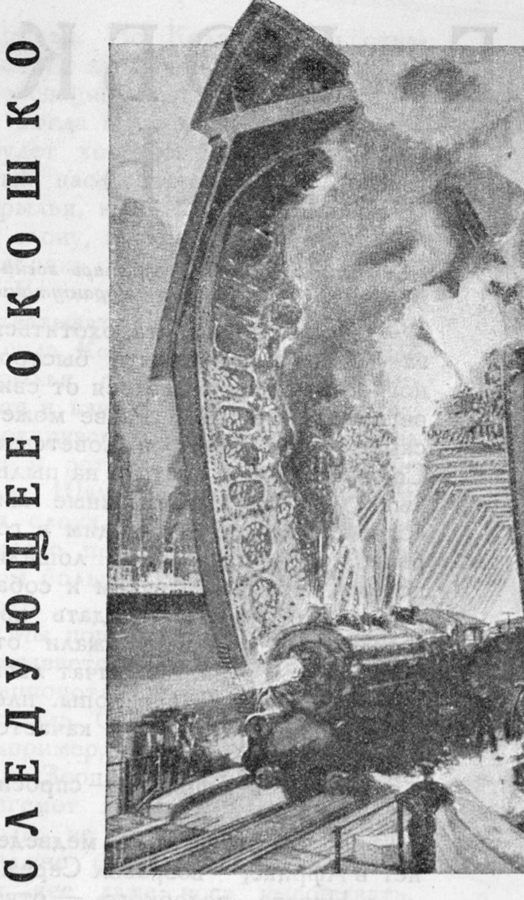

4 ПАРОХОД С'ЕЛ ПОЕЗД

Это кажется совершенно невозможным, а между тем, если бы вы захотели прокатиться из Берлина в столицу Дании—Копенгаген, то вы могли бы, при желании, попасть в тот удивительный поезд „Берлин—Копенгаген“, который часть своего пути совершает в трюме гигантского парохода. Надо сказать, что Копенгаген лежит на острове и отделен от Европы проливом, соединяющим Балтийское море с Атлантическим океаном. Из этого ясно, что устроить обычным путем беспересадочное железнодорожное сообщение между Европой и столицей Дании невозможно.

Однако, чтобы не делать излишних и дорогих перегрузок товаров и пассажиров с поезда на корабль и обратно, датчане соорудили громадный пароход, который шутя перевозит через этот пролив состав поезда в 30 пассажирских и 40 товарных вагонов. Подойдя к конечному пункту железнодорожной линии на материке, этот корабль поднимает свой нос и из своего чрева перекидывает на землю переходный мостик с рельсами. Укрепив их таким образом, чтобы они вплотную подошли к рельсам на материке, машинист в'езжает по этому мостику в трюм корабля, на дне которого тоже уложен рельсовый путь. Когда весь состав скроется в недрах парохода, его нос опускается, он снова принимает вид обычного корабля и направляется на остров через морской пролив. Подойдя к островной железнодорожной ветке, этот пароход проделывает ту же операцию: подымает нос и выпускает из себя поезд, спокойно продолжающий свое путешествие в Копенгаген.

СЛЕДУЮЩЕЕ ОКОШКО

Пароход прибыл в Копенгаген. Поезд выходит из трюма корабля.

РЕБЯТА! ЧИТАЙТЕ

ДРУЗЬЯ

Когда в Италии лет пять тому назад фашисты захватили власть, на первых порах поругались с римским папой. Папа—это глава всех католиков и считается как бы заместителем Христа на земле.

Каждый из них: Муссолини (вождь фашистов) и папа—боялись за свою власть и друг другу ножки подставляли.

Долго они так враждовали, но „милые бранятся—только тешатся“. Дело кончилось тем, что фашисты и священники заключили союз. Они одинаково боятся революции и обоим им, при победе революции в Италии, придет конец.

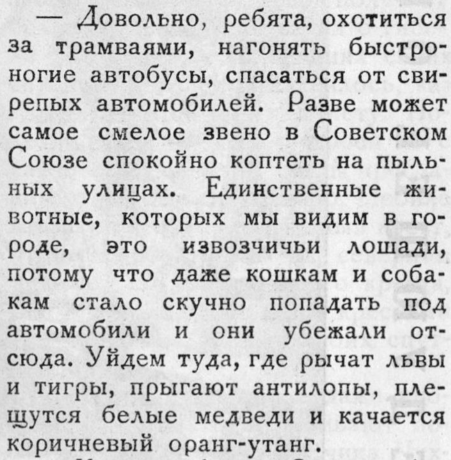
Фашисты велели во всех школах вывесить кресты, ежедневно петь молитвы, водить ребят в церкви и т. п. А священники насочинили уйму молитв за здравие фашизма, в проповедях поддерживают фашизм, служат молебны на всех фашистских торжествах. Особенно напирают и фашисты и священники на ребят. На фотографии священники учат ребят фашистскому приветствию.

Балилла—маленькие фашисты клянутся в верности Италии.

БОБ БОБКИНС, УКРОТИТЕЛЬ ЗВЕРЕЙ

Писал Б. Бобкинс, секретарь звена „Красный Пионер". Его портрет перед орангутаном на 21 стр.

— Довольно, ребята, охотиться за трамваями, нагонять быстроногие автобусы, спасаться от свирепых автомобилей. Разве может самое смелое звено в Советском Союзе спокойно коптеть на пыльных улицах. Единственные животные, которых мы видим в городе, это извозчичьи лошади, потому что даже кошкам и собакам стало скучно попадать под автомобили и они убежали отсюда. Уйдем туда, где рычат львы и тигры, прыгают антилопы, плещутся белые медведи и качается коричневый оранг-утанг.

— Куда, в Африку? — спросил Коля Шамет.

— В Азию. Белых медведей нет в Африке, — возразил Сережа.

— Ничего подобного, — ответил я (длинная речь про трамваи и лошадей была моя), — ничего подобного, в Европу.

— Куда же, за границу?

— Нет, в Зоопарк.

Все очень обрадовались. Ехать в Австралию не так-то близко. Да и не пустит никто. А Зоопарк близко, в двух шагах. Все хвалили меня за удачную мысль и я повел все дружное звено „Красный пионер" в Зоопарк.

Мы подошли к Зоопарку в два часа дня. На улице было жарко, как в печке, в парке была тень, это нам очень понравилось и мы решили, что зверям удобнее живется, чем людям. Потом, впрочем, мы переменили свое мнение.

В парке есть пруд, в пруду необитаемый остров, как в настоящем море. На острове живут только птицы, человеку там даже негде поместиться. Это прекрасно видно с берега. Птицы на острове живут странные, бело-розовые с клювами в полметра.

Мы подошли к клеткам. На каждой клетке написано, кто в ней живет, и нарисована карта. На карте черным отмечено, где животное водится. Коля Шамет предложил и у людей завести такие карты, но я с ним не согласен. У каждой двери надо было бы поставить глобус и покрасить его в черную краску целиком. Ведь люди везде водятся. Это всем известно, зачем же глобусы портить?

На одной из первых клеток было написано „ворон". Только Коля Шамет заявил, что нам ворон нечего смотреть, я заглянул в клетку и подпрыгнул. Какая там ворона. Вороны такие не бывают. Черная, как сапог, и большая — больше курицы. Ребята кинулись к клетке. Оказалось, что это действительно не ворона, а ворон. Ворон это не вороний муж, а совсем другая птица. Коля Шамет не хотел с этим согласиться и говорил, что ворону накачали воздухом и вымазали сажей.

В клетке сидели два ворона, они обедали. На полу стояла жестянка с мясом. Один ворон набрал столько мяса, что оно еле поместилось в клюв, и уткнулся с ним в угол клетки, другой долго подозрительно смотрел на жестянку, потом, как подпрыгнет, схватит маленький, ну, совсем крошечный кусочек и обратно отпрыгнет. А бояться совершенно нечего, мы его мясо есть не будем, а для двух птиц там еды по горло. Странный характер у этого ворона.

В два часа зверей кормили. При нас кормили волков. Вот, говорят, волк хитрое животное, а, по-моему, человек хитрее. Человек подходит к клетке с корзинкой мяса, возится с замком. Волк, как бешеный, прыгает около дверцы и хочет выскочить. Человек отводит руку с мясом подальше от двери, волк кидается к мясу, хлоп, а оно в это время брошено в клетку через дверь.

Жадины эти звери, еще жаднее, чем Коля Шамет.

В Зоопарке очень много зверей, больше тысячи. Если их всех описывать, то наш дневник звена станет сочинением в 45 томов, каждый весом с пионера.

Мы не стали задерживаться около филинов, коршунов и других птиц и прямым путем отправились к Утренней Заре.

Утренняя Заря, это не заря, и не имя индейского вождя, а слоновья фамилия. Слона зовут Джинду, а это в переводе на русский язык будет утренняя заря.

Коля Шамет сначала слона и не разглядел и спрашивает „где этот слон".

— Вот слон,—ему говорят.

— Серую стенку вижу, слона не вижу.

Тут серая стенка как двинется, Шамет как отскочит, а за ним протягивается длинный хобот. Коля Булкин не растерялся, кричит: „тпру"! Мы смеемся, а слон не понимает: тпру—ведь это на лошадином языке, а смеемся мы по-человечьи.

Слон похож на гору, на спине у него даже какая-то трава растет.

Коля Солнцев говорит, что волосы, а Шамет говорит—перья. Ну, какие перья у слона, разве он птица? Коля Шамет говорит, что в старину слоны летали, а потом разучились. но это он сочиняет. Тогда Шамет предложил Булкину изобрести для слона крылья. Но Коля Булкин отказался, потому что он по слонам не специалист.

Тогда Шамет изобрел: сам слон будет хоботом двигать колодезный насос, насос будет двигать крылья, крылья будут привязаны к слону, а слон будет летать как бабочка.

У слона кончик хобота может схватывать самые мелкие вещи. Когда Коля Шамет кончил про крылья, слон протянул свой хобот и взял у Шамета из рук его французскую булку и отправил ее в рот, а рот у него, как мешок. Шамет посмотрел на булку, на слона, на нас и отказался от своего проекта. Слон был слишком большой для того, чтобы летать.

Мы пошли к бегемоту. Бегемот называется еще гиппопотамом. Гиппопотам по-гречески — речная лошадь. Он живет в реке, в Ниле, например, и плавает как утка.

В Зоопарке Нила нет, поэтому бегемот живет в бассейне. Там воды не так уж много, он ее, должно быть, ценит и не любит из нее даже носа высовывать. Приходится догадываться, какой он и что он в воде делает.

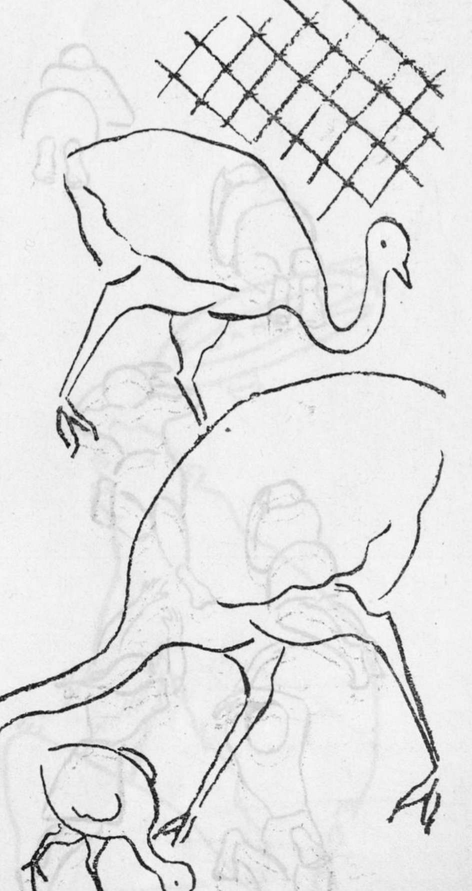
Мы видим только его голову, но и головы совсем довольно, чтобы сообразить, какое это чудовище.

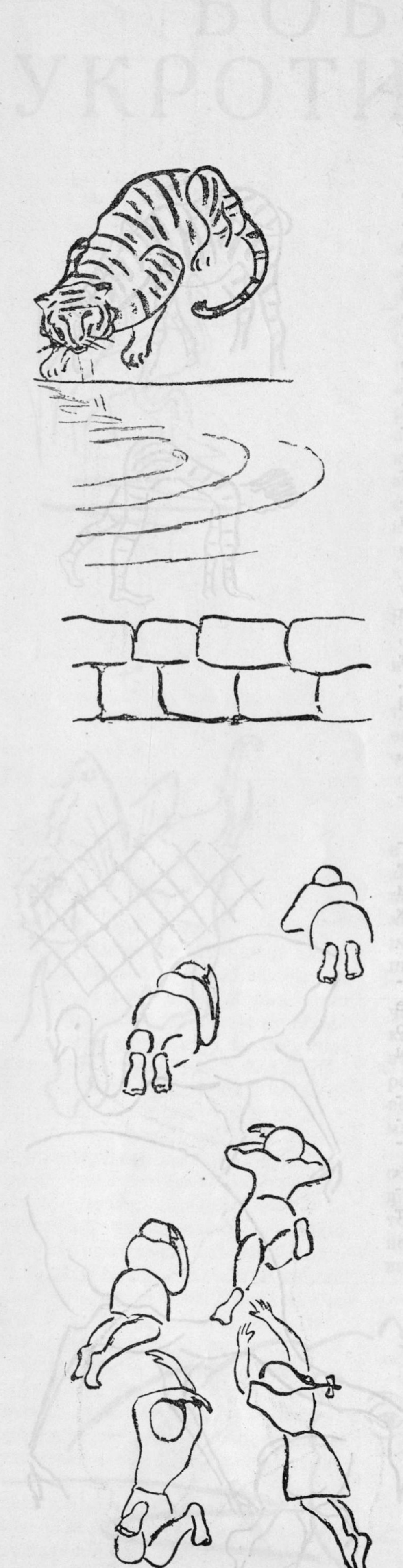
Голова бегемота похожа на студень, который сделан в виде головы. Глаза у него большие и умные, по крайней мере нам так показалось. Когда мы пришли, он высунул голову из воды, вздохнул, засопел, спрятал голову и больше мы ничего, кроме его ноздри, не видели, ноздрю он оставляет в воздухе, чтобы дышать.

Мы постояли, постояли, подождали, подождали и ушли. Пошли дальше—у нас глаза разбежались, кто куда. Я кричал, кричал, еле собрал ребят около страусят. Собрал я ребят

и рассказываю, что это, мол, первые страусята, которые вылупились в Зоопарке, что страусы не любят плодиться в неволе и все, что мне самому рассказывал руководитель, когда я был в прошлый раз. Ребята смотрят на страусят и удивляются. Один человек стоял и слушал, а когда я кончил, он сказал:

Да это не страусята вовсе, а гусята, страусята вон рядом.

Я очень смутился, потому что перепутал гусят со страусятами. Подошли мы к загону рядом, там действительно страусята со своей матерью страусихой, страусиха на гуся совсем не похожа, а страусята на гусенят похожи,— немудрено, что я перепутал, это даже ребята сказали.

Мы все очень удивились, как такие маленькие страусята вырастают в больших страусов.

Потом мы попали на какое-то коровье пастбище, правда коровы были странные, гривастые и довольно страшные. Это были те самые бизоны и буйволы, о которых мы читали у Майн Рида и Фенимора Куппера.

Коля Солнцев очень нас бранил за то, что мы приняли их всех за коров. Маруся все-таки утверждала, что это коровы, только иначе причесанные. Сережа Федосейчиков стал на сторону Солнцева и говорил, что это не коровы, а львы, только рогатые.

Кто из них прав, надо будет узнать в школе. Увидели зебру. По-моему, ничего особенного, всякую лошадь покрась, она будет зеброй, даже Шамета можно зеброй выкрасить, хотя он не хочет краситься. Мне, впрочем, потом об'яснили, что зебра это не лошадь и не выкрашенная. Не могу ничего сказать, потому что не знаю.

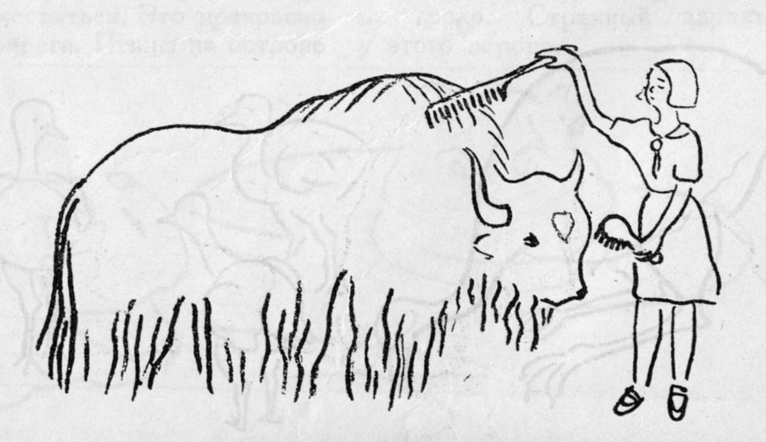
Потом мы опять наткнулись на клетки, в них были волки, похожие на собак. Оказалось, что это действительно смесь волка и собаки. Поэтому они дикие и лают. Настоящие же волки никогда не лают. Лают только домашние собаки.

Зоопарк сделан не для развлечения — это не цирк, хотя интереснее цирка. В Зоопарке работают ученые, которые наблюдают за зверями, над тем—как они себя ведут. Ученые делают разные опыты. Вот, например, с волками и собаками.

Коля Солнцев рассказал, что в Зоопарке работает группа юннатов. Они тоже наблюдают за зверями и помогают ученым. Коля даже сказал, что он сам будет наблюдать за каким-нибудь зверем или птицей. Мы ему советовали наблюдать за слоном — он самый большой, если куда-нибудь убежит, сразу заметно. Но Коля любит маленьких животных и хочет выбрать бегемота. Это его дело, конечно.

Стоя около клеток с собачьими волками, или волчьими собаками, уж не знаю, как их лучше назвать, мы услышали страшный рев. Мы храбро пошли на этот рев, хотя и знали, что рычат львы и тигры. Правда, мы еще знали, что они сидят в клетках.

Мы зашли в большое полутемное помещение с клетками по стенам. В клетках были львы и тигры. Львы были гривастые, грызли кости, как собаки, и немножко урчали. Они были не страшные. Очень страшен был полосатый тигр, который сидел в первой клетке налево. В прошлом году его хотел погладить один из служащих, только он просунул руку, тигр хвать—и отгрыз всю. Человека свезли в больницу и он умер от заражения крови. Все это рассказал Коля Солнцев, который был с Булкиным в то время почти рядом. Я посмотрел на этого тигра, он мне не понравился. Я бы его убил за это, хотя он не виноват. Такого зверя не заставишь ку-

шать травку, значит не надо близко подходить без надобности.

Коля Шамет, впрочем, предложил перевоспитать этого тигра. Каждый день давать ему мяса меньше и меньше. Потом совсем не давать, а когда он проголодается, предложить ему травки, а если не захочет, пусть ходит голодным. Но мне кажется, что из этого ничего не выйдет. Попробуй самого Шамета не кормить, а потом предложить травку или кирпичи.

В львином помещении скверно пахло и мы оттуда скоро ушли, так что Шамет не успел перевоспитать тигра.

Коля Солнцев обещал показать в Зоопарке родственника, который нас очень хочет видеть, очень хороший родственник. Мы стали думать, чей же это родственник и никак не могли догадаться. Потом, когда мы подошли, этот таинственный родственник оказался... оранг-утангом.

Никто не хотел признать этого оранг-утанга своим родственником; сваливали друг на друга. Однако, пришлось признать, что он наш общий родственник, что-то в роде двоюродного брата и вот почему:

Говорят, что человек произошел от обезьяны. Это не совсем верно: и человек и обезьяна произошли от одного предка. Таким образом, обезьяны нам все-таки дальние родственники. В этом Коля Солнцев был прав, он соврал только, что этот родственник нас хочет видеть. Ничего он не хотел и сидел в большой клетке, схватившись рукой за одну из верхних перекладин.

Когда Сережа Федосейчиков узнал, что оранг-утанг наш родственник, он предложил попросить у директора Зоопарка, чтобы оранг-утанга выпустили. За это предложение очень ругал Сережку его брат Володя Федосейчиков. Он говорил, что это кумовство, что нельзя отдавать предпочтение одному зверю перед другим только потому, что он нам родственник.

— Вот пусть засадят тебя в клетку,—сказал Володька,—нипочем не буду просить, чтобы выпустили.

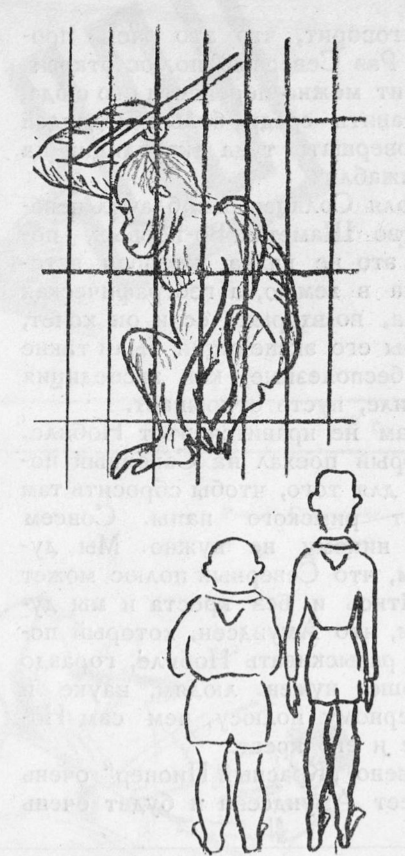
Сначала мы были согласны с Володькой, но потом насчет Сергея не согласились. Сергей все-таки не дикий зверь; оранг-утанга нельзя выпускать потому, что он свирепый, а не свирепых в Зоопарке выпускают, напр., страусов.

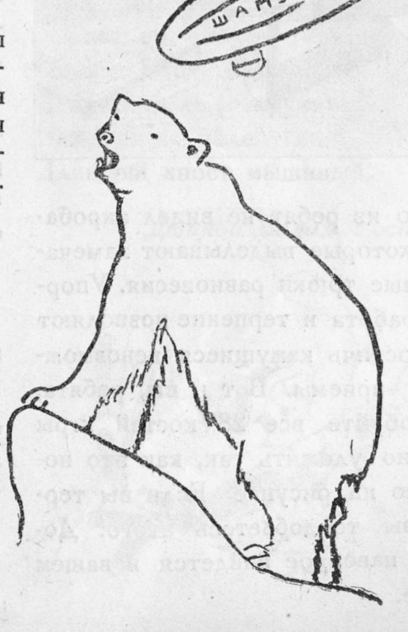
Зоопарк разделен на две части: старую территорию и новую. На старой очень много зверей и живут они, главным образом, в клетках; на новой—меньше, но они живут на свободе. Новый парк нам гораздо больше понравился.

Начинается новый парк прудом и птицами—лебедями, утками, орлами и разными другими. Очень много мы в них не всматривались, потому что на них не написано, как их зовут и где они водятся.

Мы пошли прямо к белым медведям. Издалека еще мы услашали плеск и возню. Мы было подумали, что медведям в клетку поставили большую лохань с водой. То, что мы увидели, нас очень удивило. За низенькой каменной стенкой ров, во рву вода, в воде белые медведи, и много— четыре или пять. Они плавают во рву, ныряют с берега, возятся друг с другом в двух шагах от людей. Люди удивляются, а мишки не удивляются, должно быть, привыкли. Берег, на котором возятся медведи, обнесен высокой стеной, маленькая стена кажется маленькой только снаружи, на самом деле от нее до уровня воды сажени полторы.

Здесь и Коля Солнцев и мы решили остаться наблюдать медведей, потому что они возятся почти так, как на воле. Коля Шамет предложил еще представить открытие Северного полюса.

Он говорит, что это очень просто. Раз Северный полюс открыт, значит можно перенести его сюда, поставить среди белых медведей и совершать туда экспедиции на дирижаблях.

Коля Солнцев разоблачил невежество Шамета. Во-первых, полюс это не палка, которая вставлена в землю, а географическая точка, во-вторых, если он хочет, чтобы его экспедиции были такие же бесполезные, как экспедиция Нобиле, пусть открывает.

Нам не нравится этот Нобиле, который поехал на Северный полюс для того, чтобы сбросить там крест римского папы. Совсем это никому не нужно. Мы думаем, что Северный полюс может обойтись и без креста и мы думаем, что Амундсен, который пошел разыскивать Нобиле, гораздо больше нужен людям, науке и Северному полюсу, чем сам Нобиле и его крест.

Звено „Красный Пионер“ очень жалеет Амундсена и будет очень рад, если ледокол „Красин“ спасет его.

За загородками в новом парке бродят олени и на горе, которую специально построили, живет большая хищная птица гриф.

Юля схватила меня за руку и запищала: напротив нас на свободе, прижав морду к воде, пил воду громадный тигр. Мы остановились и стали обдумывать положение. Если бежать—тигр заметит, итти вперед—нет оружия. Тигры любят пожирать людей без оружия. Тогда я нашелся и скомандовал громовым шопотом:

— Ложись и притворись мертвым, не дыши.

Мы все хлопнулись на дорожку, как трехногие столы, у которых сломали третью ногу, и перестали дышать. Так мы лежали двадцать секунд. Пока хватило воздуха в легких.

Потом Маруся простонала сквозь зубы:

Не могу больше — хочу дышать.

Я тоже не мог больше и скомандовал:

— Ну, дышите, только потихоньку.

Мы задышали потихоньку, стало легче.

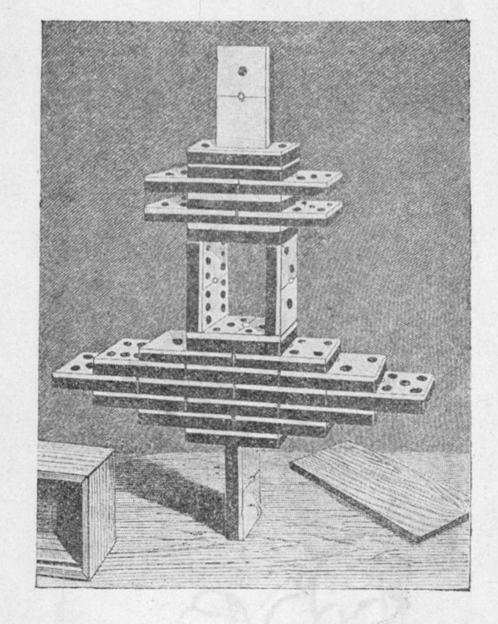
Мы полежали немного, потом слышим кто-то подходит. Мы опять но уже без команды, затаили дыханье и стали ждать.

— Ребята, вы что здесь валяетесь, — спросил тигр, почему-то человеческим голосом. Мы открыли глаза. Это был не тигр. Это был настоящий человек. Мы об'яснили ему, в чем дело, и предложили затаить дыханье. Но он рассмеялся, сказал, чтобы мы встали.

Оказалось, что между тиграми и нами была маленькая загородка, на которую мы не обратили внимания, потом был ров, наполненный водой, которого мы не видели, а потом уже тигр. Мы насмотрелись на тигров и пошли домой, потому что очень устали.

Боб Бобкинс

РЕДКОЕ РАВНОВЕСИЕ

Кто из ребят не видел акробатов, которые выделывают замечательные трюки равновесия. Упорная работа и терпение позволяют им постичь кажущиеся невозможными приемы. Вот и вы, ребята, попробуйте все 28 костей игры домино уложить так, как это показано на рисунке. Если вы терпеливы, то добьетесь этого. Домино наверное найдется в вашем клубе.

ОТГАДАЙ

ГЕОМЕТРИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА

Пионер, идя посередине тротуара одной улицы, увидел в расстоянии 15,6 метра от себя извозчика, ехавшего посередине этой улицы ему навстречу, но лица извозчика он рассмотреть не мог, т. к. этому мешало росшее около тротуара дерево. Когда пионер, сделав вперед несколько шагов, через 0,012 минуты снова посмотрел на извозчика, то опять это же дерево заслоняло его лицо и пионер его не мог увидеть. Принимая во внимание, что пионер каждые три минуты проходит 250 метров, а извозчик в то же время проезжает 1250 метров, определить ширину улицы.

№ 2=3

(Эйзнер А. г. Белый)

Возьмем равенство:

$$6-4-2=9-6-3$$

и вынесем в первом 2, во втором 3 за скобку.

Тогда получим $2(3-2-1)=3(3-2-1)$

Сократим обе части равенства на $(3-2-1)$ и получим $2=3$. Как это могло получиться?

РЕШЕНИЕ ЗАДАЧ, ПОМЕЩЕННЫХ В №№ 7 и 8

№17

Дело в том, что полный оборот делает только маленькое колесо, большое же частью делает поступательное движение вперед, скользя по рельсу, а частью оборачивается вокруг своей оси, так что у него полного оборота не получается за тот промежуток времени, в которое оборачивается маленькое колесо.

№ 18

С—удн—О
П—асту—Х
О—блак—О
Р—аска—Т
Т—роп—А
Спорт—Охота

№ 19

Ответ будет дан в след. номере.

№ 20

К—оса.

№ 22

Яйцо и цыпленок.

№ 21

Т	в	е	р	ь
К	е	р	ч	ь
Т	о	м	с	к
П	е	н	з	а
В	я	т	к	а

№ 23

П—ере—Ц
У—с—Ы
Ш—а—Г
К—ниг—А
И—ра—Н
Н—ив—Ы

ЕРШ

№ 9 АВГУСТ 1928 г.

ЕРШКОРЫ, ОБЫКНОВЕННЫЕ ДЕТКОРЫ И ПРОСТО РЕБЯТА!

„Ерш“ с нетерпением ждет от вас материала. На этой же странице, вот здесь, рядом, справа, напечатано стихотворение Вадима Гостева. Увидел Вадим казус, сразу же и написал „Ершу“, и Ершу“ приятно, и Вадиму приятно, и ребятам интересно. И наверно, они в следующий раз не будут гоняться за мышью, вытаптывая посевы. Так что и пользы от стихотворения немало.

Помните, у Крылова есть такая басня, где медведь убил человека, отгоняя мух. Эти ребята очень похожи на таких медведей.

Ну, а вам не случалось превращаться в медведей? Если случалось, то пишите; очень „Ерш“ любит печатать такие истории.

А еще „Ерш“ любит бузотеров сажать на колючки и помещать на своих страницах.

Скоро вот в школах начнутся занятия. Много тогда всяких медведей, лисиц и волков появится. Вот, ребята, раздолье писать то!!!

„Ерш“ специально для этого заперся в своей мастерской и оттачивает колючки. А нас просил пока написать всем ребятам письмо. Ну вот мы и пишем...

Рис. П. Староносова

ОХОТА ЗА МЫШЬЮ

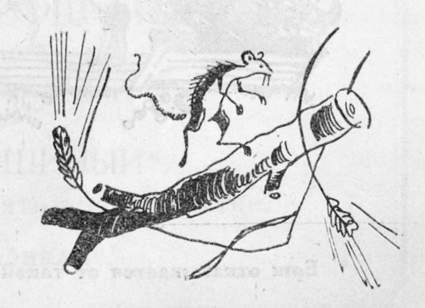
Раз полдневною порою
К деревушке серой.
Шли веселою толпою
Полем—пионеры.
Резво их мелькали ноги,
Дымом пыль взметая...
Вдруг, несется по дороге
Мышка полевая.

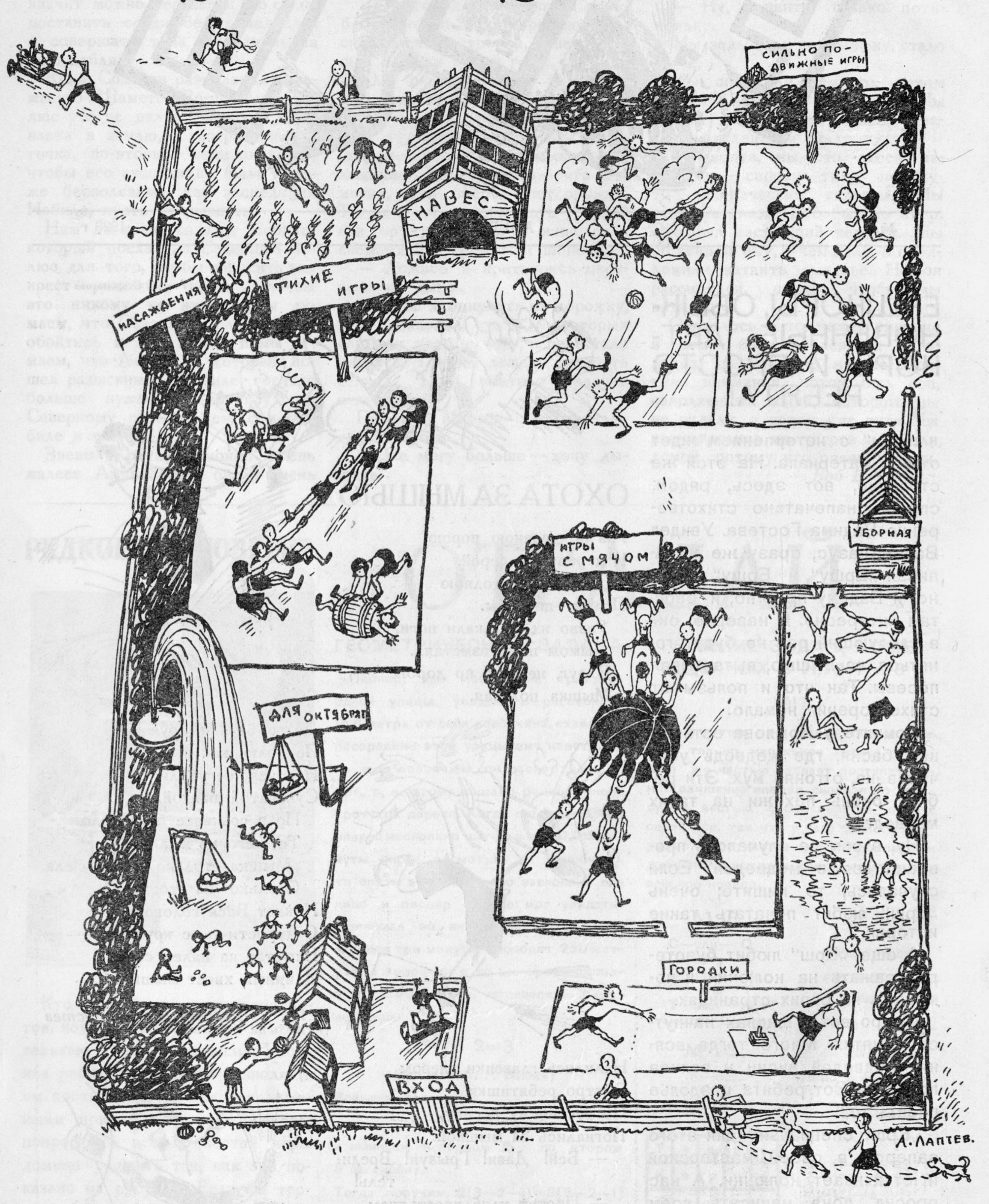
Налились глазенки гневом,
Быстро ребятишки
По весеннему посеву
Погнались за мышкой.
— Бей! Дави! Грызун! Вредитель!
— Портит хлеб крестьянам.
Эдак Вася—предводитель,
Надрывался рьяно.

Долго бегали, кружили
По полю, как в салки
Наконец, ее убили.
Суковатой палкой.
Но в сознанье прилетело
То, чего не ждали:
„Мышка столько бы не с‘ела,
Сколько мы стоптали“.
Никнет Вася головой,
С дурости ль, с кручины,
Намотав на палец свой
Длинный хвост мышиный.

Деткор Вадим Гостев

ОБРАЗЦОВАЯ ПЛОЩАДКА им. ЕРША *

* **Ерш отказывается от такой площадки, не нужна ему она.**

ОБ'ЯСНЕНИЕ К ОБРАЗЦОВОЙ ПЛОЩАДКЕ

Все удобства, полное оборудование мы находим на этой исключительной площадке! В самом деле—посмотрите: тут и навес, под которым можно укрыться от дождя, в палящий зной или от жары в дождь, тут и очаровательная площадка для октябрят, где они могут пользоваться, не прилагая никаких усилий, солнцем, воздухом и водой; в сторонке приютилась уборная.

Хорошо на такой площадке... Это, конечно, ребята понимают, и поэтому нет границ их изобретательности: для сокращения пути лазят не только через забор, но и сквозь забор (пионеру не страшны препятствия); на площадке для сильно подвижных игр происходит испытание крепости пионерских косточек (пионер вынослив); на площадке же для тихих игр ребята испытывают крепость пионера на растяжение, испытывают без всякого шума, если не считать похрустывания суставов испытуемого. Здесь же изображается живой автомобиль (папироса торчит во рту, не потому, что лежащий курит, а с целью изобразить дым сжигаемого бензина).

Много еще интересного и поучительного можно здесь увидеть.

Хорошая площадка!..

Хорошие ребята!..

Просто сердце радуется!!! А как по-вашему?

ПРЕДКЛАССКОМ ПЕТЬКА КОЛОСКОВ

Разбуженный машинным звонком
И легкой встряскою матраца,
Товарищ Петька, предклассском,
Глаза шлифует кулаком
И начинает одеваться.
Девятого четверть? Та-та-та!
И торопливою походкой,
Пустивши сапогом в кота,
(Мамаша чаем занята),
Идет он зубы чистить щеткой.
Портфель подмышку, классный ключ
В карман—и летом по перилам
(Канючь, мамаша, не канючь)—
С отвесных трех'этажных круч.
К дверям турманом [1] легкокрылым.
Пред классом класс шумит давно:
—„Где ключ!? Где Петька—простофиля?"
А простофиля у кино
Застыл и пялится в окно,
Смакуя снимки Гарри Пиля.

Деткор Боря Федосеев.

[1]) Порода голубей.

КТО ЛУЧШЕ?

Не подумайте, что «Ерш» сомневается в том, кто из них лучше. Лев, конечно, лучше. «Ерш» об'являет конкурс на лучшую подпись к этому рисунку. Придумавший лучшую подпись получит звание лучшего деткора. «Торопитесь ребята». (Это собственными плавниками написал «Ерш» и прихлопнул свой портрет—вот).

ОБ'ЯВЛЕНИЕ

ВСЕМ! ВСЕМ! ВСЕМ!

Все ребята должны знать, что „ЕРШ" открывает свой

специальный „ЕРШИНЫЙ",
все ребята должны принять в нем участие.

Ждем материала

Цена 20 коп. 27311

СНИП

СЕРИЯ ВТОРАЯ „ЧТО РАНЬШЕ"

В самом деле,—что появляется раньше: икра или лягушка? Самострел или ружье? Вот и предлагается каждые из 4-х рисунков, нарисованных здесь, расставить последовательно. Например, если мы хотим есть жареную рыбу, то сперва надо взять удочку, потом насадить червяка, потом закинуть удочку, поймать рыбу и зажарить ее. Нельзя закинуть удочку, а потом насаживать червяка. Ну, вот попробуйте! Вторая серия называется „Что раньше" Называется она так потому, что ответов на первую серию пока еще нет: письма не успели еще прийти.

Играть в эту игру можно отрядом или звеном, выигрывает тот, кто быстрее всех решит, что раньше.

